

«Как я влиял на Севку»

Геомар Георгиевич Куликов Как я влиял на Севку

Повесть для детей младшего и среднего школьного возраста

Глава первая

В класс я пришёл первым. И только успел положить портфель, как в дверях появился Игорь Булавин, наш председатель совета отряда. Он посмотрел на меня и сказал:

— А знаешь, твоя кандидатура, пожалуй, самая подходящая.

Я хорошо знал манеру Игоря разговаривать и ждал, что будет дальше.

Он, не торопясь, положил портфель на парту, одёрнул рубашку, поправил галстук; провёл ладонью по гладко причёсанным волосам и продолжал:

— Дело в том, что у меня есть к тебе серьёзное дело.

«Бывают же нудные люди, — думал я. — Из таких, наверно, получаются потом всякие чиновники и бюрократы, про которых пишут в газетах».

Любого другого на месте Игоря моё молчание обязательно бы разозлило. А Игорь глазом не моргнул. Будто так и надо: он говорит — другие слушают.

— Так вот, — голос Игоря зазвучал, торжественно, — ты отличник, Горохов?

Это мне не понравилось.

— Ну, отличник, сам знаешь, а что?

Игорь на мой вопрос не обратил внимания и ещё торжественнее спросил:

— Ты пионер, Горохов?

Тут я окончательно понял, что меня ждёт крупная неприятность и не выдержал:

— Да не тяни! Говори, в чём дело?

— Дело в том, что совет отряда даёт тебе очень ответственное поручение. Ты должен повлиять на пионера нашего отряда Всеволода Мымрикова. Мы всё время с ним работу в одном направлении вели: «слушали» да «постановили». Вот и никакого толка. Твоя задача — подружиться с ним. Не нотации и морали читать, а подружиться и помочь.

Я выслушал Игоря до конца и как только мог, спокойно сказал:

— Ты спрашивал, отличник ли я. Так вот, считай, что я уже не отличник.

— Как это? — удивился Игорь.

— Очень просто, — объяснил я. — Сегодня же на географии — меня спросить должны — получаю двойку, но связываться с Севкой не буду.

— Ага, — кивнул головой Игорь. — Считаю, что отличником я тебя не считаю. Но ты ведь ещё пионер. Значит, пионером тебя тоже не считать?

— Считать — не считать! — рассвирепел я и, вылетев из класса, так хлопнул дверью, что зазвенели стёкла.

В коридоре я чуть не сшиб с ног Вовку Краснопёрова, своего соседа по парте.

— Ты это чего? — удивился он.

— С нашим уважаемым председателем разговаривал...

— Понятно! — засмеялся Вовка. — А что он?

— Дал поручение: подтянуть Севку Мымрикова.

Вовка свистнул:

— Весело! Только, по-моему, возиться с Севкой — всё равно, что воду в решете таскать. Дохлое дело.

Я не успел ответить. За моей спиной кто-то хмыкнул. Мы с Вовкой обернулись.

Возле нас с портфелем под мышкой стоял Алик Камлеев.

— У нас в школе, — сказал он, — к сведению некоторых, всегда помогали отстающим ученикам.

Алик учился с нами первый год и через каждые два слова повторял: «А у нас в школе», «А в нашей школе»...

— Слушай, — сказал Вовка. — Взятся бы ты за это дело, а? Показал, как у вас в школе помогают отстающим, а?

— И показал бы. Если бы мне поручили.

Вовка хотел, было съехидничать, но тут к нам подошёл Толя Овчинников, длиннющий и тощий, словно жердь.

— Привет! О чём речь?

— Горохову прикрепили Севку Мымрикова, — объяснил Вовка.

— Ясно, — сказал Толька. — И он теперь принимает поздравления?

— Вроде того, — сказал Вовка.

У Тольки были какие-то там необыкновенные математические способности. Он запросто решал задачки, над которыми пыхтели восьмиклассники.

Другого на его месте раздувало бы от важности. А Толька — хоть бы что. Поглядывает с высоты своего высоченного роста и добродушно посмеивается.

— Ладно, — сказал я, — торжественное заседание объявляю закрытым!

— Принято единогласно! — поднял руку Толька. — Если по моей части что потребуется...

— Данке, — сказал я. — Ауфвидерзеен.

На уроке мы с Вовкой стали смотреть на Севку. Это оказалось довольно занятно — наблюдать за человеком, когда сам он этого не замечает. А особенно за таким, как Севка.

Севка ел конфеты. Разворачивал под партой, саму конфету отправлял в рот, а бумажку скатывал в комочек и, положив на ладонь, щелчком посылал в класс.

Сначала Севка конфеты сосал. Потом это ему, как видно, надоело и он стал их грызть. Когда Лидия Сергеевна, учительница русского языка, оглядывалась на подозрительный звук, Севка делал такую физиономию, что каждый видел: если и есть в классе ученик, который самым внимательнейшим образом слушает преподавателя, то этот ученик и есть он — Всеволод Мымриков.

Скоро конфеты у Севки кончились. Он подпёр кулаками подбородок и, как мне показалось, заскучал. Но не такой он был человек, чтобы скучать долго. Что он такого сделал, не знаю, только минуту спустя Томка Новожилова, сидевшая перед Севкой, жалобно воскликнула:

— Лидия Сергеевна, а Мымриков опять...

— Опять, Мымриков? — обернулась Лидия Сергеевна.

— Я?! — Севка даже руками развёл от негодования. — Да провалиться мне на месте... Да...

Севка ещё долго бил себя в грудь, а потом, когда Лидия Сергеевна сердито на него прикрикнула, сделал обиженное лицо и принялся вздыхать. Сперва тихо. Потом всё громче и громче. Пока, наконец, Лидия Сергеевна опять не прервала урок.

И так до самого звонка.

На перемене ко мне подошёл Игорь Булавин.

— Как прикажешь понимать твои выходки?

— Какие? — не понял я.

— Хлопнул дверью. Убежал. Отказываешься от пионерского поручения.

Мне было не очень-то весело, но я засмеялся.

— Чудак, я ведь пошутил перед уроком. Я с большим, ну, просто с огромным удовольствием буду заниматься с Севкой. Мне давно хотелось взять на воспитание какого-нибудь лодыря и разгильдяя и сделать из него образцового, прямо-таки показательного ученика!

— Совсем другой разговор, — сказал удовлетворённо Игорь. — Я так и думал, что твоя кандидатура будет самой подходящей.

— И ты ещё мог сомневаться?! — всплеснул я руками.

Игорь посмотрел на меня строго.

— Я с тобой разговариваю совершенно серьёзно и официально.

— А как же иначе? — удивился я. — Конечно.

— Что касается твоего освобождения от других поручений, мы этот вопрос обсудим на ближайшем совете отряда. И не беспокойся. Мы тебе условия создадим.

— Разве я беспокоюсь? — сказал я. — Да за таким председателем мы как за каменной стеной!

Игорь покачал головой:

— Смотри у меня!

Так и сказал: «Смотри у меня!» — и важно прошествовал дальше.

До конца уроков я ломал голову: как подступиться к Севке?

Браться за это дело мне отчаянно не хотелось. Но я хорошо знал нашего председателя. Уж что западёт в его, гладко причёсанную голову — сидит крепко.

Я понимал: голыми руками Севку не возьмёшь. Нужен какой-то особый подход. Но сколько ни примерялся, ничего путного не получалось. И уже на последнем уроке, когда решил, что ничего толкового так и не придумаю, меня осенила блестящая идея.

Едва прозвенел звонок, я подошёл к Севке.

— Слушай, Мымриков, мне дали поручение подтянуть тебя.

Севка со вкусом зевнул.

— Раз дали — выполняй. Кто ж тебе мешает? Только учти, — Севка сделал многозначительную паузу, — на меня не рассчитывай. А то знаю, тебе дали поручение, а я — отдувайся: сиди и решай всякие там дурацкие задачки...

— Положим, задачки тебе теперь не придётся решать совсем.

— Как это? — не понял Севка.

— Будешь у меня списывать.

Я лениво, совсем, как только что Севка, зевнул.

— Сочиняешь, — сказал Севка.

— Не веришь? У меня самого дел — во! — я ребром ладони провёл по горлу. — И возиться мне со всяким...

— Но, но! Поаккуратней... — обиделся Севка.

— Словом, приходи завтра перед школой и списывай на здоровье.

— Не врешь? — всё ещё сомневался Севка.

— Какой мне смысл врать? — пожал я плечами. — Один раз я тебя, положим, обману. Так ведь в другой — ты не придёшь?

— Что ж я совсем дурак, по-твоему?!

— Вот видишь.

— О-го-го! — Севка подкинул портфель. — Оказывается, и среди отличников есть ничего ребята. Вот никогда не думал!

— Так договорились? — переспросил я для верности.

— Ага! — крикнул на ходу Севка. — Обязательно приду!

Я и вправду не собирался обманывать Севку. У меня был другой план. Я решил поймать Севку, как ловят мышей. На приманку.

Главное — пусть только придёт ко мне.

А потом сам будет делать уроки. Как миленький!

Глава вторая

Приглашая Севку, я совсем забыл про своих домашних. Даже не забыл. Просто не подумал, какое впечатление произведёт на них Севка.

Дело в том, что я был, как любят выражаться взрослые, единственным ребёнком в семье. Многие, может, не знают, что это такое. Пожалуйста! Могу рассказать.

Собрался, например, человек погулять. Одедся. Можно идти? Ничего подобного.

— Котик, надень галоши!

И хотя все мальчишки, во дворе бегают без галош, спорить бесполезно.

Надеваешь галоши и берёшься за ручку двери, чтобы поскорее улизнуть. Не тут-то было.

— Котик, опусти уши!

Остричь насчёт того, что ты не лошадь и ушами двигать не можешь — смысла нет. До родителей такие остроты не доходят.

Развязываешь тесёмки на шапке — и опять к двери.

— Котик, неужели ты хочешь идти без шарфа?!

И это таким голосом, словно ты в середине зимы собрался маршировать по улице в одних трусиках.

— Господи, ну кто так завязывает шарф? Дай я тебе помогу!

А когда, наконец, вырвешься из дома, тебя догоняет бабушка и кричит на весь двор:

— Котик, разве так можно? Ты забыл носовой платок!

Ребята вокруг покатываются со смеху — спектакль! А ты готов провалиться сквозь землю или превратиться в какую-нибудь там невидимую молекулу.

И так во всём.

Родителям кажется, что у тебя очень плохой аппетит. Что ты вот-вот заболеешь какой-нибудь опасной болезнью. А стоит задержаться на улице вечером дольше положенных тебе половины десятого — в доме паника. Все уверены — с тобой что-то стряслось.

Но больше всего родители боятся, чтобы ты не попал в плохую компанию. Это для них страшнее всякой свинки и скарлатины. И каждого твоего нового товарища они разглядывают и расспрашивают так, будто он может оказаться взломщиком несгораемых касс, а может, кем-нибудь и похуже.

Севку нечего было рассматривать и расспрашивать. Что он за птица, было видно сразу. Невооружённым глазом. Незнакомые девчонки обходили его за три километра.

Словом, я решил: показывать моим домашним Севку нельзя. По крайней мере, первое время. Пока не скажется на нём моё благотворное влияние.

С папой и мамой было просто. Они уходили на работу. Хуже было с бабушкой. Она отлучалась из дома только в магазины. Да и то не каждый день.

Утром, когда родители ушли, я спросил бабушку:

— Ба, а ты сегодня никуда не пойдёшь?

— Вроде бы нет, — сказала бабушка.

Я походил по комнате и решил, была не была, действовать напрямик.

— А ты не можешь пойти погулять или, например, к знакомым? Ко мне должен будет прийти товарищ...

— Час от часу не легче! — бабушка всплеснула руками. — Что ж это за товарищ, что ты старуху из дому выпроваживаешь?

— В общем... Он не очень хорошо учится и меня попросили ему помочь.

— Я-то при чём? — удивилась бабушка.

У меня, понятно, не было желания объяснять, кто такой этот мой товарищ и как я собираюсь ему помочь.

— Он, понимаешь, ну... очень стеснительный... Увидит тебя — и ничего у него не получится.

— Ишь ты. Видать, тихий, скромный мальчик. Болел долго или как?

— Да, — сказал я, — здоровье у него неважное.

— Коли так, схожу навещу Полину Дмитриевну. Давно обещала. Только приберу посуду.

Из кухни долго доносился плеск воды, звон стаканов, позвякивание кастрюлек и сковородок.

Я сидел, как на иголках. Даже уроки не мог готовить. Боялся: вот-вот придёт Севка. В передней зашуршало праздничное бабушкино платье. Я обрадовался. Рано. Бабушка вернулась в комнату и принялась давать длинные наставления: что я должен и чего не должен делать без неё, где лежит завтрак и всё такое прочее.

Я переминался с ноги на ногу, поглядывал на часы и говорил:

— Да, бабушка.

— Нет, бабушка.

— Хорошо, бабушка.

Наконец бабушка ушла.

— Уф! — вздохнул я с облегчением и сел за уроки.

Я очень старался. Выводил буквы и цифры так, точно их сейчас будет смотреть не Севка Мымриков — первый шалопай и последний ученик в нашем классе, а какой-нибудь очень важный и серьёзный человек.

К одиннадцати часам у меня всё было готово. Я аккуратно разложил на столе учебники и тетрадки и стал ждать Севку.

Севка не шёл.

Я решил почитать. Скоротать время. У меня лежала замечательная книжка. Про человека-невидимку.

Ничего не получилось. Глаза бегали по строчкам, а в голове сидел Севка. Расставил шахматы и принялся решать задачку из последней «Пионерской правды». Куда там!

Я совсем потерял терпение, когда в передней раздался длинный звонок. Я вдохнул воздух, точно собирался нырнуть в ледяную воду и рванулся к двери.

На пороге стоял высокий парень с чемоданчиком в руках.

— Слесарь Мосгаза, — сказал он и прошёл на кухню.

У меня, видно, было на редкость глупое выражение лица. Возясь с плитой, парень то и дело на меня поглядывал. А когда кончил, спросил:

— Расписаться можешь?

Мне стало смешно.

— Попробую, — сказал я, скорчил зверскую рожу и, высунув язык, вывел в тетрадке слесаря немыслимую загогулину.

Парень посмотрел на подпись, потом на меня, потом опять на подпись и покрутил головой:

— Однако!

Звонок звонил ещё два раза. Почтальон принёс заказное письмо для папы. И толстая тётя спросила, здесь ли живёт доктор Коновалов.

Четвёртый звонок я узнал сразу. Коротенький. Не то жалобный, не то ехидный. Так мог звонить один человек на свете. Соседская девчонка Лялька. И то, только тогда, когда ей нужны были краски, цветные карандаши, угольник или ещё что-нибудь.

Я Ляльку терпеть не мог. Но мой папа дружил с Лялькиным папой, а моя мама — с Лялькиной мамой. И мне было строго-настрого приказано: быть с Лялькой вежливым.

Я был зол на Севку. На себя. На весь мир. Более неподходящего момента Лялька выбрать не могла.

Я засунул руки в карманы, — свирепо сдвинул брови и пошёл открывать дверь.

Открыл и не поверил глазам. Передо мной стоял Севка. Собственной персоной. Но в каком виде! Пальто застёгнуто на все пуговицы. Шапка сидит ровно и аккуратно. Севка посмотрел на меня, серьёзно и даже строго спросил:

— Можно?

— Конечно! — сказал я.

Севка вытер ноги об резиновый половичок и протянул мне твёрдую, холодную с улицы ладошку.

— Здравствуй, Горохов. Не ожидал так рано? У меня, как в аптеке: сказано — сделано.

— Да ты проходи! — засуетился я. — Раздевайся!

Минуту назад я готов был разорвать Севку на мелкие клочья. А сейчас от радости — всё-таки пришёл! — мне хотелось пуститься в пляс.

— Предки дома? — понизив голос, спросил Севка.

— Кто?

— Ну, родители?

— Нет, — сказал я. — Ни души. Папа с мамой на работе. Бабушка — в гостях.

— Чего же сразу не сказал?! Я-то стараюсь: «Здравствуйте», «Пожалуйста»...

Севка кинул пальто на стул, шапку на тумбочку перед зеркалом и отбил звонкую чечётку, подпевая себе:

— Тара-там-там... Тара-там-там...

Потом Севка огляделся.

— А у вас ничего. Отдельная квартира?

— Отдельная, — сказал я.

— Нам тоже скоро дадут. А эта дверь куда?

— В столовую.

— А эта?

— В кухню.

— А эта? Ага. Понятно. А нам куда?

— Сюда, — показал я и толкнул дверь.

— Книг-то сколько! — удивился Севка.

— Здесь по вечерам папа работает. А днём я занимаюсь.

— Красота!

Севка попрыгал в кресле перед письменным столом.

— Факт, тут одни пятёрки будешь получать...

Я обрадовался. Очень. Я всё придумывал, как бы начать разговор насчёт отметок. А тут Севка завёл его сам.

— Чего проще, — сказал я. — Приходи каждый день и будем вместе готовить уроки. По-настоящему!

Севка вздохнул:

— Не получится.

— Почему?

— Неусидчивый я. Так все говорят. И учителя.

— А ты бы попробовал, — предложил я.

— Уже пробовал.

— Долго?

— А ты думал? Почти целую неделю.

— Разве это много? Надо побольше. Месяц. Два.

— Интересные люди, — сказал Севка. — Как я могу заниматься месяц, когда и неделю не получилось?

— Понимаешь, — сказал я. — Всё дело в привычке. Я вот привык и мне хоть бы что. Никакой трагедии. Вроде само собой идёт. Ты вот каждый день зубы чистишь?

— Я? — Севка засмеялся.

— Ладно. Умываешься...

Севка неопределённо хмыкнул.

— Ну, хорошо. Ешь-то ты каждый день.

— Скажешь тоже, — Севка опять засмеялся. — Есть-то мне, хочется, а уроки делать — нет.

Севка подозрительно посмотрел на меня.

— Ты что, агитировать позвал?

— Нет, — сказал я. — Мне что? Списывай на здоровье. Мне плевать. — И придвинул Севке свои тетрадки.

Глава третья

Анна Ивановна, наша классная руководительница и учительница по арифметике, отметила, кого нет в классе и спросила, как всегда:

— Кто сегодня не выполнил домашнего задания?

Никто не ответил.

— Выходит, сегодня все аккуратные и прилежные? Надо так понимать, Мымриков тоже решил задачку и примеры?

Севка вскочил.

— А что Мымриков? Чуть чего: Мымриков, Мымриков... Разве Мымриков не человек?

— Сделал?

Анна Ивановна подошла к Севке и полистала его тетрадь.

— Правильно. А сам?

В жизни я не видел более обиженного человека. Севка прямо-таки задохнулся от негодования. Пока он силился что-то выговорить, поднял руку Игорь Булавин.

— Слушаю тебя, — разрешила Анна Ивановна.

— Мы прикрепили к Мымрикову сильного ученика — Горохова, в порядке пионерского поручения.

— Тогда понятно. Хорошо. Очень хорошо.

Анна Ивановна села за стол.

— Проверим домашние задания. И пусть нам задачу объяснит...

Анна Ивановна обвела взглядом класс, а у меня противно засосало под ложечкой.

— ...положим, тот же Мымриков.

«Теперь крышка, — подумал я. — Гроб с музыкой».

Севка взял тетрадку и пошёл к доске.

— Тетрадь оставь, пожалуйста, мне, — сказала Анна Ивановна.

Севка написал условие задачи.

— А дальше? — спросила Анна Ивановна.

— Думаю, — сказал Севка. — Вспоминаю.

— Ну, ну, — Анна Ивановна отошла к окну. — Я тебя не тороплю.

Севка посмотрел на меня.

Я раньше никогда не подсказывал. А тут мои губы зашептали сами собой решение задачки. Севка быстро застучал мелом по доске. Но Анна Ивановна услышала мой шёпот.

— Тихо, тихо. Похвально, что Горохов переживает за своего подшефного. Но делать это надо про себя.

— Конечно, — сказал Севка, — чего подсказывать, когда всё готово?

Объяснял Севка решение не очень-то гладко. Но обычно он попросту стоял столбом. Поэтому Анна Ивановна похвалила:

— Молодец. Ставлю тебе...

Все вытянули шеи.

— ...ставлю тебе «четыре». Это многовато. Но надеюсь, ты оправдаешь доверие.

— Факт, оправдаю! — сказал Севка.

— И молодец, Горохов. Очень похвально помочь товарищу.

Я готов был провалиться сквозь землю.

— Ничего, ничего, — сказала Анна Ивановна. — Что хорошо, то хорошо.

На переменке ко мне подошёл Толька Овчинников и, поглядев сверху вниз, сказал:

— Могучий талант. К концу четверти Лобачевского переплюнет!

— Кого? Кого? — спросил Игорь Булавин. Я не видел, откуда он взялся.

— Был такой великий математик.

— Вспоминаю, — наморщил лоб Игорь, — он ещё чего-то там открыл.

— Абсолютно точно, — сказал Толька. — Великие люди всегда чего-нибудь открывают. Кому что достанется. Кто — Америку, кто ещё что-нибудь.

Игорь с чувством пожал мне руку.

— Значит, не ошибся в тебе. Весьма рад. Желаю успехов. А то, что сделал, мы отразим.

— Как — отразим? — испугался я.

— В печати. И вообще. Все должны знать. Хороший пример надо про... — Игорь споткнулся на трудном слове, — про-па-ган-ди-ро-вать...

— Послушай, — взмолился я. — Ведь ещё ничего не сделано. Что такое одна задачка? Подожди ты, это самое... пропагандировать... Дай ему хоть немного подтянуться... Ведь неизвестно, что ещё получится. Чего забегать вперёд?

— А кто тебе сказал, что мы будем забегать вперёд? — спросил Игорь и поднял брови.

— Мы отразим то, что уже достигнуто.

Игорь, как всегда, обещание сдержал. Когда после первой перемены я вошёл в класс, на стене висела «молния». Ноги у меня перестали слушаться. Точно к ним привязали двухпудовые гири.

Я прочитал: «Внимание!!! Внимание!!! Пионер нашего отряда Горохов Константин взял шефство над отстающим товарищем Мымриковым Всеволодом. Результат уже есть! Мымриков В. получил сегодня по арифметике отметку “четыре”! Берите пример с Горохова К.!!! Помогайте товарищам!!! Так поступают пионеры!!!»

В класс вошла Лидия Сергеевна, учительница русского языка, и строго спросила:

— Что за митинг?

Все, кто стоял возле «молнии», разбежались по своим местам.

Лидия Сергеевна прочитала «молнию» и сказала:

— Ах, вот оно что! А как у нас, Мымриков, с домашними заданиями по русскому языку?

— Хорошо, — сказал Севка. — А как же ещё? Что ж я одну арифметику буду учить? Я такой: не учить, так всё. А учить, так тоже всё подряд!

Лидия Сергеевна посмотрела Севкину тетрадку.

— Прямо на тебя не похоже. Ни одной ошибки. А может быть...

Лидия Сергеевна, видимо, хотела, как и Анна Ивановна, спросить, сам ли Севка готовил уроки, но посмотрела в мою сторону.

— Впрочем, тут, кажется, это исключено, — и сказала:

— Будь добр, расскажи правило, по которому выполнил это упражнение.

Севка скорчил страдальческую физиономию и заныл:

— Лидь Сергеевна... Что же получается? Стоит человеку один раз выучить, как его на каждом уроке будут спрашивать? Что ж я, железный?

Весь класс вступился за Севку:

— Лидия Сергеевна...

Лидия Сергеевна засмеялась:

— Пусть будет по-вашему. Сегодня не спрошу. А за домашнее задание я тебе, Мымриков, ставлю четвёрку. Твёрдую.

Севка просиял. Весь класс захолопал в ладоши. А Лидия Сергеевна постучала карандашом по столу:

— Тише, тише, ребята. Я вас прекрасно понимаю. Но вы не в театре.

На большой перемене мимоходом, но с чувством ещё раз мне пожал руку Игорь.

— А ещё скромничал!

Я нырнул в буфет. Взял порцию котлет и стакан киселя и забился в самый дальний угол. И даже, для верности, отвернулся к окну.

Репродуктор над моей головой передавал школьные новости. Я не слушал. У меня хватало своих забот. И вдруг — я даже подавился котлетой — диктор радиоузла назвал мою фамилию.

«Да, да, — продолжал диктор, — один из лучших учеников — он решил не только сам хорошо учиться, но и помочь товарищу. Впрочем, об этом лучше расскажет председатель совета отряда пятого “Б” Игорь Булавин».

Игорь говорил нудно и неразборчиво. Точно говорил и жевал одновременно. Игорем дело не кончилось. Едва он умолк, диктор сказал: «А теперь мы попросим к микрофону Севу Мымрикова...»

Этого я уже вынести не мог. Оставил недопитым кисель и пулей вылетел из буфета.

После уроков Анна Ивановна объявила:

— Завтра — экскурсия в зоопарк. Сбор к десяти часам возле школы.

Я вспомнил: завтра воскресенье. И обрадовался. Значит, хоть один день не увижу Севку. Я первым выскочил из класса. Первым попал в раздевалку. Первым выбежал из школы.

Папа и мама были уже дома.

— Нуте-с, начинающий Песталоцци, как дела? — сказал папа.

— Ничего, — ответил я. — Потихоньку.

— Иди мой руки, — сказала мама. — Обед стынет.

По дороге в ванную я завернул в кабинет посмотреть, кто был этот самый Песталоцци и что хотел папа: похвалить меня или обругать. Я достал том энциклопедического словаря на букву «П» и прочитал: «Песталоцци Иоганн Генрих, выдающийся швейцарский педагог...» Я захлопнул словарь и плюхнулся в кресло. Ну конечно, бабушка успела рассказать про Севку!

Я сидел долго. Потом вышел в переднюю. В комнате разговаривали взрослые.

— Всё это очень хорошо, прекрасно, — говорила мама. — Но у ребёнка и без того большая нагрузка. И так он целыми днями не видит воздуха, сидит над книжками. А как он выглядит? Худущий, кожа да кости...

— Ничего, ничего, — успокаивал папа. — Это полезно.

— Ещё бы, — сказала мама, — прикрепили няньку. Ни о чём самому думать не надо...

— Да не тому полезно, — сказал папа. — То есть, надеюсь, и ему пойдёт на пользу. Но сейчас я о Константине. Нельзя всё время держать парня в тепличных условиях. И нельзя, чтобы он рос эгоистом, думал только о себе...

— Котик растёт эгоистом?!

Я вошёл в комнату. Папа и мама замолчали. Они всегда перестают говорить обо мне, когда я вхожу. Говорить при детях о детях непедагогично. Это я уже знаю. Потом папа спросил:

— Как зовут твоего подопечного?

— Севка, — сказал я, — Севка Мымриков.

— Плохо учится?

— Неважно, — вздохнул я.

— Лодырь, что ли?

— Неусидчивый он и, — я посмотрел на бабушку, — у него здоровье неважное...

— Ну-ну, — сказал папа. — Смотри, не осрамись.

— Постараюсь, — сказал я.

— И приглашай к нам. Пусть приходит.

— Ладно, — пообещал я.

Глава четвёртая

Утром я подумал: кто такой Севка, чтобы я из-за него пропускал экскурсию?

Мне нравилось в зоопарке. Я любил смотреть на медлительного, степенного слона, ленивого бегемота, весёлых попрошаек мишек.

Только чуточку было жалко зверей. Казалось, они никак не могут забыть всякие там свои джунгли и пустыни. И оттого у слона такие печальные глаза, а тигры часто мечутся по клетке и кричат что-то сердито и жалобно на своём тигрином языке.

Я быстро оделся, ещё быстрее позавтракал и побежал к школе.

Честно говоря, я надеялся, что Севка на экскурсию не придёт. Не было ещё такого случая, чтобы Севка приходил на экскурсии.

И правда, возле школы весь класс был в сборе. Не хватало двоих: меня и Севки. Я пришёл. А Севку ждать не стали.

— Мымриков в своём репертуаре, — сказала Любовь Дмитриевна, наша учительница по ботанике. — Пойдёмте, ребята.

Я разыскал глазами Иру Зимину. Возле неё стояли Толька Овчинников и Алик Камлеев. Алик ей что-то смешное рассказывал. А Толька поглядывал сверху вниз и улыбался.

Ира была девчонка что надо. Разговаривать с ней интереснее, чем с любым мальчишкой. А играть в настольный теннис — не берись. То есть можешь братья, пожалуйста. Только наверняка вылетишь. Хорошо, если не всухую.

На школьных вечерах она выходила на сцену и садилась за рояль. И играла не какую-нибудь там «Перепёлочку», а настоящую взрослую музыку. Её всегда вызывали много раз. И она играла всё новое и новое. А я удивлялся: и влезает же человеку в голову столько музыки!

Я стал придумывать, как бы тоже вступить в разговор и начал понемножку продвигаться в сторону Зиминной. Вдруг земля вырвалась, у меня из-под ног. Я полетел в сугроб. Вскочил — передо мной Севка. Рот — до ушей и орёт во всю глотку:

— Здорово, Горох! Чуть не опоздал. Как приёмчик? Сила! Хочешь, научу?!

Можно было, конечно, обозвать Севку дураком. Полезть на него с кулаками. А что толку?

Я покосился на Иру Зимину. Она была занята разговором, моего полёта не видела.

— Ладно, — сказал я Севке, — научи.

Любовь Дмитриевна укоризненно покачала головой.

— Ты даже с товарищем, Мымриков, нормально не можешь поздороваться. Обязательно с грубыми шутками.

Возле входа в зоопарк меня отозвал в сторону Игорь Булавин.

— Учти, Мымриков на твоей ответственности. Тут дикие звери. А ты Севку знаешь!

— Что я, гувернантка?! — возмутился я.

— Ты — пионер, — строго сказал Игорь. — Мы с тобой на эту тему уже беседовали. Если мало, могу побеседовать ещё. Завтра. А сегодня выполняй поручение.

Я посмотрел на Иру — около неё был теперь один Алик — и подошёл к Севке.

У Севки на животный мир была своя точка зрения. Всяких мелких безобидных зверушек и птах он презирал. Севке нравились звери свирепые и хищные: львы, тигры, пантеры. С уважением остановился он перед пеликаном.

— Вот это клювик... Ка-а-ак долбанёт — не обрадуешься!

Сперва Севке очень понравился бегемот. А когда бегемот зевнул, открыв огромную розовую пасть, Севка пришёл в восторг.

— Гляди! — кричал он мне. — Вот это ротик! Вот это я понимаю! Попадись такому, он и жевать не будет. Захлопнет свой чемодан, только тебя и видели! Любовь Дмитриевна, — спросил он учительницу, — а он крокодила живого может проглотить? Он ими, наверно, питается, да?

— Бегемоты, — сказала Любовь Дмитриевна, — питаются растительной пищей: сочными травами, корневищами водяных и болотных растений, ветками. Должен бы знать, Мымриков. Мы об этом говорили на уроках.

— Он? Травой?!

Севка с сожалением посмотрел на бегемота.

— Здоровенный, а ест всякую ерунду. С такой пастью я б на его месте крокодилов, кабанов и ещё чего там водится, как мух, глотал. Не глядя.

— Не сомневаюсь, Мымриков, — сказала Любовь Дмитриевна и все засмеялись.

Скоро звери, большие и маленькие, надоели Севке. Он стал крутить головой по сторонам и увидел лоток с мороженым. Потом ещё покрутил головой и потащил меня к клетке с фламинго, длинношеими голенастыми птицами.

— Гляди: на одной ноге стоит. Спорим на мороженое, я дольше простою.

Я знал, Севка был мастер спорить. И не просто так, а обязательно на что-нибудь. Я однажды видел, как Севка спорил.

Возле школы стоял малыш с яблоком. Сева подошёл к нему и сказал:

— А я, между прочим, могу доплюнуть до второго этажа.

Малыш задрал голову и недоверчиво протянул:

— Врёшь...

— Не веришь? Спорим на твоё яблоко...

Минуту спустя Севка похрустывал яблоком и назидательно говорил:

— Учти, из двух спорящих один обязательно умный, а другой — нет.

Поэтому я сказал Севке:

— Ладно, и так верю.

— А может, поспорим? — спросил Севка.

— Чего спорить, когда я тебе и так верю. Пошли дальше.

Но сбить Севку было не просто. Он задумчиво потёр подбородок и изобразил на физиономии крайнюю степень неуверенности.

— А может, и не простою дольше? Надо попробовать!

Севка проворно, не хуже фламинго, поджал левую ногу.

Птица, которую взялся перестоять Севка, от стояния на одной ноге никакого неудобства не испытывала, а Севка уже через минуту опустил ногу.

— Не могу больше! А ты ещё не хотел спорить!

Мне показалось, что Севка хитрил и что он мог бы ещё стоять долго, но я промолчал.

Мы шли мимо клеток с другими зверями и птицами, а Севка всё сокрушался:

— Подумать только, ещё б немного — и проиграл. Кто ж знал, что она на одной ноге столько стоять может? Ну, да ладно, попадись мне другая такая птица, ещё посмотрим, кто кого!

В окошке служебного помещения я увидел птицу, как две капли воды похожую на ту, с которой Севка только что соревновался. Я хотел отвлечь внимание Севки. Но было поздно.

— Ага! — закричал Севка. — Попалась! — и тут же спохватился: — Конечно, не совсем попалась. Я, конечно, могу потерпеть сокрушительное поражение. А что? Вполне возможно! Но мы сейчас тягаемся. Вот! — Севка протянул мне руку. — Спорим на мороженое, перестою её на одной ноге. Учти, запросто могу и проиграть. Она, может, с пелёнок на одной ноге привыкла стоять, а у меня опыта нет. Но, так и быть, спорим.

— Чего спорить. Я ж тебе сказал: и так верю.

— Ладно, — ставлю два мороженных против одного.

Я покачал головой.

— Три! — предложил Севка.

— Нет, — сказал я.

— Пять.

Когда Севка дошёл до ста штук, мне стало смешно.

— Послушай, — сказал я, — мама мне дала денег. Как раз на два мороженных хватит. Давай купим и пойдём дальше, не то мы возле этой птицы целый час торчать будем.

— Ну, уж нет. Спорить — пожалуйста; а так с какой стати ты меня мороженым будешь кормить?

Мне эта канитель надоела и я махнул рукой:

— Делай, как хочешь...

— Итак, — торжественно возгласил Севка, — если выигрываю я, ты мне покупаешь одно мороженое, если выигрываешь ты, я тебе покупаю сто! Так?

— Так, — согласился я. — Не тяни. Начинай своё единоборство, да пойдём дальше. Мне на эту птицу уже смотреть противно.

— Внимание! — прокомандовал себе Севка. — На старт! Марш! — и поджал одну ногу.

Я присел рядом на скамейку и стал ждать, когда птице за окном надоест стоять на одной ноге и Севка заработает своё мороженое.

Однако время шло, а птица и не думала менять позы.

— Ишь ты, — пробормотал Севка, — стоит и глазом не моргнёт. И не шелохнётся...

А ещё через некоторое время Севка стал потихоньку кряхтеть. И не так, как первый раз, для виду, а по-настоящему. Не знаю, что было бы дальше и чем бы это всё кончилось, но тут к нам подошла женщина с совком и метлой в руках.

— Не иначе, на космонавта готовится, — кивнула она в сторону Севки.

— Нет, ответил я, — он просто... ну, для собственного удовольствия. А разве на космонавта так тренируются?

— Всяко тренируются, — сказала женщина. — Тут один шустрый мальчишка даже на голове стоял. Привыкаю, говорит, видеть животный мир вверх ногами. Готовлюсь к состоянию невесомости.

Я ещё хотел поговорить насчёт удивительной подготовки к космическим полётам, но меня перебил Севка. Он стоял, теперь скособочившись, красный, точно перезрелый помидор и тяжело дышал.

— Скажите, тётенька, — не своим голосом прохрипел Севка, — а вон та птица за окном долго так стоять будет?

— Года два, почитай, стоит, — сказала женщина. — А сколько ещё будет, кто ж знает?

— Д-два года на одной н-ноге?!

— Она и десять простоит, — сказала женщина. — Известно, чучело. Как сделают, так и стоит.

— Ч-чучело?!

Женщина ушла, а Севка всё глядел в окно, где за стеклом стояло удивительно, ну, просто на редкость хорошо сделанное чучело фламинго, длинношеей, голенастой птицы.

— Теперь, как мне кажется, — сказал я Севке, — ты можешь встать на обе ноги.

Севка мне не успел ответить. К нам подбежала Томка Новожилова и затараторила:

— Разве можно так, мальчишки? Вас все ждут. На тебя, Мымриков, я не удивляюсь. А ты, Горохов, мог бы подумать о товарищах. А то бегай по всему зоопарку и разыскивай, думаете, очень интересно?

— Не интересно — не бегай, — мрачно сказал Севка. — Кто тебя просит?

— Любовь Дмитриевна просит. Вот кто просит. А мне вы не нужны вот нисколечко....

По дороге на новую территорию Севка ворчал:

— Безобразие! Раз зоопарк — значит, живые должны быть. А то наставили на каждом шагу чучела, а посетители отдувайся...

На всех неподвижных зверей и птиц Севка косился недоверчиво. Около верблюда он остановился. Верблюд был важный и на Севку даже не поглядел. Севка уцепился за решётку, дотянулся до верблюжьей морды и провёл пальцем по его большим, мокрым губам. Верблюд медленно задвигал губами.

— Не нравится?

Севка ещё раз провёл по губам. Верблюд задвигал губами чуточку быстрее. Севке это надоело и он спрыгнул. И тогда верблюд плюнул. В Севку он не попал. Севки уже перед ним не было. Весь заряд верблюжьей слюны попал в толстого дяденьку, который стоял рядом с такой же толстой тётёй.

Получился страшный скандал. Любовь Дмитриевна покраснела и стала извиняться за Севку. Дяденька сердился и ругался. Тётенька ужасно громко кричала. Можно было подумать, что дяденьку укусила, по меньшей мере, гремучая змея. А ведь в него всего на всего плюнул обыкновенный, довольно облезлый верблюд.

Мы сразу ушли из зоопарка. Всю дорогу Любовь Дмитриевна молчала. И ни разу не посмотрела на Севку.

А Игорь мне сказал:

— Плохо работаешь, Горохов. Плохо выполняешь пионерское поручение. Я тебя специально предупреждал сегодня. И учти: твоя задача не только помочь Мымрикову в учёбе. Надо чтобы он человеком стал. Без фокусов. С ним мало уроки вместе готовить. Надо влиять на него в свободное время. А то болтается неизвестно где и с кем и вот результат.

Ночью мне снилась какая-то галиматья: не то звери, не то птицы. А под конец приснился верблюд. Он вытянул шею и спросил:

— Ну те-с, начинающий Песталоцци, как дела?

И захохотал Севкиным голосом.

Глава пятая

Я решил поводить Севку по музеям. И начать с Исторического.

Перед Севкиным приходом я положил на стол самую большую свою драгоценность: каменный топор. Настоящий топор древнего человека. Его подарили папе прошлым летом. Мы решили отдать его в музей. А пока он хранился у меня.

Дух захватывало, когда я пробовал представить себе, кто и когда его делал. Люди ходили в звериных шкурах. Мамонты паслись на лужайках. И даже моря и океаны ещё не были на своих местах.

При виде моего сокровища все мальчишки лишались дара речи. И даже те девчонки, у кого в голове одни фантики-бантики, над ним долго ахали и охали.

Севка заметил топор не сразу. Потом покрутил, прикинул на ладони:

— Тяжёлый! — и спросил: — Сам делал?

Я рассказал всё: и про мамонтов, и про людей в звериных шкурах, и про моря и океаны.

Севка равнодушно меня выслушал и сказал:

— Разве это топор? Вот у нас топор — сам в дерево лезет. Тюкнешь по крыльцу — еле вытянешь.

Мне вдруг захотелось стукнуть орудием древнего человека Севку по затылку. Сказать, что он олух и дичее самого дикого дикаря. Но я сдержался. И даже заставил себя покривить душой.

— Пожалуй, ты прав, неважный. Вот в Историческом музее собраны топорики... Давай сходим.

Севка постучал себя по лбу.

— В уме? У меня каждый день ответственные хоккейные встречи, а я буду по музеям разгуливать?! Нет, видали такого?

— Ну, как? — спросил меня перед уроками Игорь.

— Никак, — сказал я. — Хотел вытащить в Исторический музей. Не получилось. Времени нет. Ответственные хоккейные встречи.

— Плохо, — сказал Игорь.

— Чего хорошего.

— Ты меня не понял. Не то плохо, что Мымриков в хоккей играет. Хоккей — один из видов спорта. А спорт, как известно, полезное и нужное мероприятие. Плохо, что

пасуешь перед первой же трудностью. Разве так можно? Где твоя инициатива? Выдумка? Раз Мырников не хочет идти в музей, значит, ты должен пойти с ним на каток. Даже такая пословица есть: если гора не идёт... к этому... ну, как его?

— Магомету...

— Вот именно: если гора не идёт к Магомету, он идёт к горе. Кажется, достаточно ясно?

— Конечно, — сказал я. — У Севки нет времени сходить в музей. А у меня оно есть, чтобы глазеть, как десять человек гоняют банку из-под гуталина. Так, по-твоему?

— Не десять, а двенадцать. По шесть в каждой команде. Я изучал правила. Но главное не в этом...

На другое утро я сидел во дворе дома напротив и ждал, когда начнётся Севкина ответственная встреча.

Хоккеисты топтались на льду и о чём-то спорили. Крик стоял такой, точно они не поделили первенство мира. На меня никто не обращал внимания. Потом в мою сторону поглядел Севка. Он что-то сказал ребятам, и все до одного уставились на меня. Даже перестали кричать.

— Эге-ге! — замахал руками Севка. — Горохов, иди.

— Слушай, — сказал Севка, когда я, набрав в валенки снега, выбрался на лёд, — в хоккее играешь?

Я за всю свою жизнь держал клюшку один раз. Летом на даче. Но на меня смотрели две команды. И я сказал:

— Так, немного. Не очень хорошо.

Севка подмигнул мне и засмеялся:

— Хорошо играют мастера спорта. И то не всегда. Знакомься. Лёша, наш капитан.

На груди у капитана светился маленький значок: коньки и клюшка.

Заметив, что я смотрю на значок, Севка пояснил:

— Серебряный. Лёша сам выточил.

— Тут, понимаешь, — сказал капитан, — такое положение. Идут встречи дворовых команд. А у нас заболел игрок...

— Хороша команда: ни одного запасного! — крикнул кто-то со стороны.

— А они, — капитан кивнул туда, откуда крикнули, — не соглашаются, чтобы у нас была неполная команда. Говорят, проиграете, — будете сваливать на перевес в игроках. Теперь всё в порядке.

Капитан вытолкнул меня вперёд.

— Вот наш шестой игрок.

На улице было холодно. Я замёрз, пока сидел на скамейке. Но тут мне сразу стало жарко.

— Да я...

Но меня никто не слушал. Опять поднялся гвалт. Теперь спорили, можно ли меня приглашать в команду.

— Может, он в сборной Советского Союза играет? Может, он мастер спорта? — кипятился маленький вёрткий мальчишка, как я узнал потом, вратарь.

— Что из того? Ну, и играет за сборную! Ну, и мастер спорта! — отбивался Севка. — А за свою клубную команду он может выступать?! Может?!

Всё решил судья. Он вынул свисток изо рта и спросил меня:

— Ты за кого-нибудь ещё играешь?

— Нет, — сказал я.

— Честно?

— Честно.

— Чего зря кричать? Начали! — судья сунул свисток в рот.

— А если он врёт? — не унимался вёрткий мальчишка.

Судья нахмурился, снова вынул свисток изо рта и сказал:

— С судьёй не спорят. Забыл?

— Валяй за коньками! — сказал Севка. — Только живо!

— А у меня нет коньков, — сказал я. — Коньки есть. Ботинки малы. Их два года назад купили. Честное слово! Хочешь, покажу!

— А может, влезут?

— Куда там! Прошлой зимой еле надевал.

Севка задумался.

«Пронесло!» — подумал я.

— Коньки — ерунда, — вмешался капитан. — У Эдика возьмём. Какой у тебя размер?

— Тридцать шестой.

— Порядок. Сейчас будут коньки.

Игроки другой команды опять загалдели.

— Сколько можно ждать?

— Судья, чего смотришь?

Судья долго шарил у себя за пазухой. Достал большие карманные часы на толстой медной цепочке и, вынув изо рта свисток, сообщил:

— Через десять минут засчитываю поражение.

И снова застыл со свистком в зубах величественный и неприступный.

Эдик жил тут же. Мы встали под окнами и стали кричать хором:

— Э-дик! Э-эдик!

Ребята старались изо всех сил. Один я кричал, не особенно громко. В окне третьего этажа появился мальчишка с завязанным горлом.

— Конь-ки! Ключ-ка! Конь-ки! Ключ-ка! — заорали все в один голос.

Только я для виду открывал и закрывал рот. Эдик не понимал, чего от него хотят, а только улыбался и пожимал плечами.

— Стоп! Так толку не будет, — сказал капитан. — Давайте я сам.

Он помахал руками. Мальчишка за окном вытянул шею. Тогда капитан похлопал ладонью по своим конькам и, схватив меня за ногу так, что я чуть не шлёпнулся, похлопал по подошве моего валенка. Мальчишка просиял и быстро-быстро закивал головой. Капитан потряс в воздухе клюшкой и опять показал на меня. Мальчишка ещё раз мотнул головой и исчез.

Через минуту открылась форточка и к нашим ногам шлёпнулись коньки с ботинками и клюшка.

— Ну и парень! — сказал капитан. — Этот не подведёт!

Тут мальчишка за окном как-то странно подпрыгнул. А на лице появилось такое выражение, точно у него вдруг заболели зубы.

— Что это с ним? — удивился Севка.

В неведении мы оставались недолго. Мальчишка вновь исчез, а на его месте появилась женщина.

Она сердито погрозила нам пальцем.

— Понятно, — сказал капитан. — Ничего не поделаешь. Бывает.

Ботинки пострадавшего за команду Эдика оказались мне впору. Тютелька в тютельку. Точно они были не его, а мои собственные. Хуже было другое. Я почти совсем не умел кататься на коньках. Я любил книги и прочитал их, наверно, больше, чем все ребята в нашем классе. А ко всяким там футболам-волейболам был равнодушен.

Мне гораздо больше нравилось скакать на храпящем коне рядом с д'Артаньяном или Питером Марицем — юным буром из Трансвааля, чем на нашем дворе лупить по мячу, стараясь попасть между кирпичами, изображавшими ворота.

Мама и бабушка, увидев меня на диване с толстенной книгой, говорили:

— Опять глаза портишь?! Пошёл бы на улицу. Погулял. Подышал свежим воздухом.

Папа посмеивался:

— Ты, брат, как воспитанница института благородных девиц. Те всё пухлые романы читали. Хоть бы раз домой с синяком пришёл...

Тут пугалась мама:

— Миша, что ты говоришь?

— Ничего, — отвечал папа, — парню надо больше бегать, в футбол играть...

— Видели мы этот футбол, — перебивала мама. В прошлое воскресенье по телевизору опять показывали. Здорового взрослого мужчину на носилках унесли. А много ли ребёнку надо?

Мне такие разговоры, понятно, большого удовольствия не доставляли. Но я считал, дело вкуса: одному нравится одно, другому — другое. Коньки купил мне папа. В позапрошлом году. На день рождения. Я немножко научился кататься. Но не очень. А в середине прошлой зимы, я не обманывал Севку, ботинки сделались мне малы. Папа хотел купить новые. Но мама сказала:

— Зачем напрасно тратить деньги. Скоро весна. А за лето у Костика ноги опять вырастут и придётся покупать снова.

Папа удивился:

— С каких пор ты стала экономить на сыне?

Я-то хорошо знал: не в экономии дело. Просто мама по тому же телевизору увидела хоккейную встречу. Играла наша команда с одной иностранной. Известно, хоккей, как говорят, — игра мужская. В ней разрешены и силовые приёмы. А тут ещё наши гости играли грубо, как объяснял комментатор. Мама с бабушкой только ахали. И вот теперь на негнущихся ногах я выехал на лёд и замахал руками так, словно хотел улететь в стратосферу.

— Лихо! — сказал наш капитан.

— Скользко... Что-то очень скользкий сегодня лёд... — я попытался изобразить улыбку.

— Ладно, — сказал капитан. — Вставай в ворота... Ключку держи пониже.

Судья дал свисток. Игра началась.

Рассказывать подробно, что это была за игра, у меня нет охоты. Корова на льду чувствовала бы себя, наверно, увереннее, чем я. Я пытался кинуться туда, куда летела

шайба, а ноги несли меня совсем в другую сторону. Чтобы не потерять равновесия, я цеплялся за своих и чужих игроков и они кричали одинаковыми тонкими голосами:

— Отцепись! Чего привязался?!

Зрители — и откуда они только набежали? — вопили, свистели и улюлюкали. Они прямо-таки помирали со смеху.

А вёрткий мальчишка острил:

— Эх вы, ничегошеньки не понимаете. Он показывает новый способ защиты. Бразильский!

Мы проиграли с разгромным счётом.

После финального свистка судьи обе команды опять сцепились в центре поля. А я добрался до скамейки, снял ботинки с коньками, сунул ноги в застывшие на морозе валенки и удрал.

Я понимал: произошла катастрофа.

Ребята во дворе всегда относились ко мне неплохо. Даже чуточку уважали. Я мог разрешить спор: кто написал «Всадника без головы», а кто «Последнего из могикан». Ко мне бежали, когда надо было узнать, что за штука автомобиль на воздушной подушке и чему равна первая космическая скорость.

Теперь меня не могла спасти даже скорость света и знание назубок всех приключений Шерлока Холмса. Я оказался голым королём. Завтра всё будет известно в классе. Алик Камлеев пустит по рядам ехидную карикатуру. Она попадёт к Ире Зиминной...

— Вы-ы... — я даже застонал, как от зубной боли.

Случается же, подумал я, с людьми этот самый... инфаркт, что-то такое с сердцем, отчего и помереть не долго. Вот бы мне его сейчас.

Тогда бы сказали:

— Чего вы хотите? Он же был тяжело болен. И всё-таки вышел на поле. Хотел выручить товарищей.

Вертлявый мальчишка, конечно, мог бы спросить:

— А чего он шарахался от моей клюшки, как заяц? Это что: тоже болезнь такая?

Но тут бы выступил вперёд судья, вынул свисток изо рта и сказал:

— Как ты смеешь говорить такое? За нарушение спортивной этики, за злостную клевету на товарища — дисквалифицирую тебя и запрещаю играть до конца сезона.

Я приложил ладонь к левой стороне груди.

— Так-так, так-так... — ровно выговаривало сердце.

— Тебе хорошо, — сказал я. — Сидишь там, в темноте, ничего не знаешь. А каково мне? Как завтра появлюсь во дворе? А в классе?!

Глава шестая

Утром меня разбудила бабушка.

— К тебе мальчик пришёл. Чудной. Я будить не хотела. Говорит: срочно!

Я трясущимися руками натянул штаны и рубашку и открыл дверь.

У порога, привалившись к стене, стоял Севка. Он подождал, пока вышла бабушка и прошипел:

— Хорош гусь! Его ждут, а он в кроватке прохлаждается!

— К-кто ждёт? — запнувшись, выговорил я.

— Он ещё спрашивает?! — фыркнул Севка.

— А чего им надо?

— Тебя им надо, — сказал сердито Севка. — Пошли!

«Может, пропали ботинки с коньками и клюшка, которые я вчера оставил на скамейке? — мелькнула у меня мысль. — Или со мной хотят... ну, как бы это сказать... в общем: “поговорить” ...»

Можно было бы, конечно, не пойти. Сказать, что занят. Буду готовить уроки. Или ещё что-нибудь в этом роде. Только какой смысл? Всё равно из дома выходить надо.

Я взялся за пальто и всё-таки спросил Севку:

— А зачем я им?

— Слушай, — сказал Севка. — Это когда-нибудь кончится? Тебя две команды ждут. И судья. Играть кто за тебя будет? Пушкин?

Я заторопился. И от этого никак не мог попасть в рукав пальто. А мысли побежали совсем в другом направлении. Значит, не так уж плохо я играл? Значит...

Мне очень хотелось услышать это от Севки. И я спросил:

— Не могли другого найти?

Севка мрачно вздохнул:

— После вчерашнего ни один человек в команду не идёт. Пусть, говорят, он играет. Сам. А мы посмотрим...

— Так... — сказал я.

— А ты думал как? Идём скорее!

— Ладно, — я застегнул пальто. — Доставлю удовольствие. Отчего не повеселить людей, если им хочется?

Меня встретили свистом. Я старался не смотреть по сторонам. Надел ботинки с коньками. Взял клюшку. И выехал на лёд.

Возле меня, подняв фонтанчики ледяных брызг, резко затормозил капитан. Он положил мне руку на плечо и сказал:

— Слышь, парень. Не трусь. Мы в защите будем играть. А на них, — он мотнул головой в сторону зрителей, — не обращай внимания. Плюнь с высокой колокольни, понял?

Я встал в воротах. Если бы рядом со мной оказался пронцательный человек, склонный выражаться торжественно, он бы, наверное, сказал.

— На лице вратаря были написаны железное мужество и непреклонная решимость.

Впрочем, не ручаюсь. Возможно, на моём лице было написано что-нибудь совсем другое...

С защитой у нашей команды сразу же не получилось. Едва прозвучал свисток судьи, шайбой завладел мальчишка в клетчатом свитере и стремительно повёл её к моим воротам.

Он замахнулся клюшкой для последнего удара, когда я, крепко стиснув зубы, кинулся ему под ноги. Передо мной ножами сверкнули коньки. Мелькнула обмотанная синей лентой клюшка. И в глазах вспыхнул яркий белый свет, словно у самого моего носа щёлкнули фотовспышкой.

Я встал не сразу. Кружилась голова. Болела подбитая скула. Ноги не очень-то слушались. А когда встал, огляделся. Зрителей было много. Они улюлюкали, свистели, топали ногами. Я ничего не понимал. Шайба была у меня в руках. Я даже поглядел в ворота. Нет, там всё в порядке — пусто. Я потряс шайбой над головой для убедительности. Зрители не успокоились. Рёв теперь стоял, как на стадионе в Лужниках, когда встречаются столичные футболисты «Динамо» и «Спартак».

Налетел наш капитан и со всего маху шлёпнул по шее. Я чуть не растянулся и закричал:

— Ты чего?!

— Молодец, Костя! Какую шайбу взял! Из тебя мировой вратарь получится. Видал, что зрители делают?!

Тут только я понял. Все зрители — и те, что сидели на скамейках, а теперь с них повскакали, и те, что стояли возле снегового барьера, и те, что вскарабкались на заборы и даже сарай, — все они приветствовали меня...

Дальше пошло, как во сне. Я кидался в ноги всем подряд. Крутил клюшкой так, что от меня шарахались свои и чужие. Даже чуть не забил шайбу в ворота противника. Каждый мой бросок зрители встречали криками и овациями.

Поле мы покинули победителями. Впереди шли мы с капитаном. Клюшка лежала у меня на плече. На клюшке болтались коньки с ботинками.

Капитан повёл нас за сараи. Там он пугнул мальчишек, увязавшихся следом. Мы остались одни. Расселись на дрова и капитан спросил у меня:

— Хочешь в нашу команду?

Я помолчал для солидности, словно раздумывал и ответил:

— Можно.

Капитан засмеялся:

— Не больно важничай. Тебе за храбрость хлопали. Тренироваться надо, понял?

— Раз надо, значит, надо, — сказал я.

— А то знаешь, что ты выделывал на поле? Цирк, да и только!

Ребята погалдели немного, вспоминая всякие там передачи, удары и комбинации. Посмеялись над моими прыжками. Но мне совсем не было обидно. Наоборот. Я вдруг почувствовал себя своим человеком в команде.

Честно признаться, я всегда немножко завидовал таким ребятам, как капитан и остальные. И вот теперь, я сидел вместе со всеми после очередной хоккейной встречи. Ответственной! Севка сам сказал. И болтал о всякой всячине. И всё было так, словно я сидел не в первый раз, а в десятый, двадцатый, может, тысячный...

— Ко-тик! Ко-тик! — донёсся из-за угла бабушкин голос.

— Посидеть не дадут! — сказал я недовольным голосом, спрыгнул с бревна, на котором сидел и попрощался со всеми по очереди.

— До завтра! — крикнул мне вдогонку капитан.

— Ага! — крикнул я и помахал рукой, как машут теперь в кинофильмах: чуть-чуть ладошкой из стороны в сторону.

Дома я за пять минут разделался с завтраком. Аппетит у меня был волчий. Я бы съел и ещё что-нибудь. Но бабушка ушла в магазин. А самому возиться не хотелось.

Надо было садиться за уроки. Но у меня было какое-то неусидчивое настроение. И я принялся ходить по квартире и петь песни.

Наш классный поэт Лёвка Наумов острил, что мне на ухо наступило какое-то крупное животное. «Не медведь. Нет, — говорил он и оценивающе меня разглядывал. — Тут скорее пахнет бегемотом. А возможно и слоном».

Но я очень любил петь. Так, для себя, конечно. А поскольку с музыкальным слухом у меня и, правда, дело обстояло неважно, я пел тогда, когда оставался один. Песни я пел разные. Смотря, какое было настроение.

Сегодня я пел самые весёлые.

Мне очень хотелось поговорить о сегодняшнем хоккейном матче. И я в перерыве между песнями думал: хоть бы пришёл Севка. Но Севка появится когда? За пятнадцать минут перед тем, как надо идти в школу.

Заправлены в планшеты Космические карты...

во всё горло распевал я свою любимую песню, когда в передней раздался звонок.

Я открыл дверь — на пороге стоял Севка. Мне положительно везло сегодня!

Севка вытянул шею и негромко спросил:

— Кто это у вас кричал?

— Никто, — сказал я.

— Как — никто? Я же своими ушами слышал.

— Так это... самое... сказал я, — радио было включено... Ну да, радио. Его ты и слышал.

— Тогда ещё ничего, — сказал Севка. — А я подумал, тебя родители лупят.

— Нет, — сказал я. — Меня не бьют.

— Совсем?

— Совсем.

— А у меня мамка строгая. Только нервная очень. Сначала всыплет, а потом разбирается: за дело или зря.

— И часто зря? — посочувствовал я.

— Нет, — сказал Севка. — Не часто. Но бывает. А кому охота ни за что трёпку получить? Да чего мы с тобой заупокойные разговоры ведём? — сам себя перебил Севка. — Я ведь к тебе насчёт хоккея...

Севке моя игра понравилась.

— Техники, ясно, маловато, а так — подходяще.

Я почти ничего не помнил. Точно играл не на самом деле, а во сне. И от этого сна остались в памяти путанные клочки.

Севка помнил решительно всё. Кто кому передал шайбу. Кто когда ударил по воротам. Про себя я слушал, как про чужого человека. Слушал и удивлялся: до чего здорово, оказывается, получалось!

Мы так заговорились, что я чуть не забыл про уроки. Письменные мы успели сделать, а на устные времени не осталось.

— Не горюй, — сказал Севка. — Я их сроду не учил. А если ты один раз не выучишь, что оттого, земля перевернётся?

Я с Севкой спорить не стал. Что толку? Времени-то всё равно не было.

На улице Севка посмотрел на меня и щёлкнул языком:

— А здорово он тебя разделал!

Я потрогал скулу. Под глазом припухло и болело.

Мы проскочили перед самым носом Анны Ивановны, учительницы по арифметике.

Она посмотрела на меня.

— Это уже что-то новое. Впервые вижу, чтобы, Горохов опаздывал. И не припомню случая, когда бы он приходил таким разукрашенным. Где это ты ухитрился?

— В хоккее играл, — опередил меня Севка. — Вы бы поглядели, Анна Ивановна, как он эту шайбу брал, — Севка показал на мою скулу. — Горохов ка-ак кинется! А тот ка-ак клюшкой стукнет! Ну, подумал я, был Горохов и нет Горохова... Надо искать другого вратаря. А он вскочил на ноги и хоть бы что. Только качается. А у самого шайба в руках. Что тут началось! Болельщики аж с заборов попадали...

— Не подозревала, — сказала Анна Ивановна, — что Горохов увлекается спортом. Да ещё пользуется такой популярностью.

— Ой, Анна Ивановна, этих самых болельщиков поглядеть, как Горохов играет, человек сто набежало!

— Не сто, — сказал я. — Меньше.

— Может быть, — охотно согласился Севка. — Не сто, а девяносто пять. Или девяносто. Я по пальцам не считал. А какая разница: сто или девяносто, правда, Анна Ивановна?

— Да, — согласилась Анна Ивановна, — разница, конечно, небольшая.

Севка, наверно, ещё долго бы распространялся на эту тему, если бы его не прервала Анна Ивановна. Зато на перемене он развернулся вовсю. Я сразу сделался героем дня. Со мной стали заговаривать девчонки, которые раньше проходили мимо меня, словно мимо пустого места.

А Ира Зиминая спросила:

— Больно, наверно?

— Пустяки, — ответил я небрежно. — В хоккее и не такое бывает.

Сначала я хотел было перевязать скулу носовым платком. А потом подумал: разве солдат стыдится своего ранения, полученного в тяжёлом бою? Я казался себе в этот день сильным, мужественным и, несмотря на синяк, красивым. Мне, правда, хотелось подойти к зеркалу и посмотреть, как всё это выглядит со стороны. Но меня прямо-таки разрывали на части. Я вдруг сделался самым нужным человеком в классе.

И до зеркала я дорвался только после уроков, уже в вестибюле.

То, что я увидел, трудно описать. Из чёрной рамы на меня смотрела жуткая одноглазая разбойничья рожа.

На улице по дороге домой я старался держаться подальше от фонарей.

Бабушка, увидев меня, заплакала. Мама кинулась к аптечке. Вышел из кабинета папа, удивлённо вскинул брови и спросил:

— Что случилось?

Я постарался улыбнуться. Получилось это, наверно, неважно, потому что слёзы по бабушкиному лицу побежали быстрее. Но я постарался ещё больше и сказал:

— Ничего особенного. Ты всё говорил, что я ни разу с синяком не пришёл. Вот, пожалуйста. По заказу.

— Ты, брат, явно перестарался, — сказал папа.

— Ну, вот, — сказал я, — на тебя не угодишь. То тебе синяки подавай. А пришёл с синяком опять плохо. Может, теперь скажешь, совсем не надо?

— Отчего не надо, — сказал папа. — Пожалуйста, только размером поменьше.

— Ладно, — сказал я, — постараюсь. Если, конечно, получится. Сам понимаешь, не только от меня зависит.

— И они ещё могут шутить! — дрожащим голосом проговорила мама.

— Кстати, где это ты ухитрился? — спросил папа.

Я давно ждал этого вопроса.

Мне нужны были коньки. Коньки и клюшка. Не мог же я каждый раз брать их у Эдика. Да и он не тысячу лет будет болеть своей ангиной. Но я понимал, если я сейчас скажу, что меня треснули на хоккейном поле, ни коньков, ни клюшки мне ни за что не купят. Мама не даст. Умрёт, а не даст. И я посмотрел своим, единственным теперь зрячим глазом в пространство между папой и мамой и твёрдо сказал:

— Упал... На улице. Поскользнулся и упал.

Глава седьмая

В школу меня не пустила мама.

— У ребёнка воспалительный процесс, — сказала она. — Застудит, будет хуже. Пусть посидит денёк-другой дома.

Папа промолчал. Я тоже. Когда речь идёт о моём здоровье, спорить с мамой бесполезно.

Но мне надо было идти на тренировку. Первую в своей жизни.

Я дождался, когда мама уйдёт на работу и сказал бабушке, будто между прочим:

— Я к товарищу. На полчаса.

— Ишь ты, чего выдумал, — сказала бабушка. — Его в школу не пустили, а он по приятелям будет разгуливать!

— Ладно, — сказал я, — а в библиотеку я имею право сходить?

— Господи! Что за настырный ребёнок, — сказала бабушка. — Кто ж тебя такого на улицу отпустит? Я из ума ещё не выжила покуда. Ты на себя в зеркало погляди...

Мне нечего было смотреть в зеркало. Я видел себя утром. Когда умывался. Прямо тип из витрины «не проходите мимо!»... И сколько я ни увивался вокруг бабушки, сколько ни ныл, на улицу она меня не отпустила. Я потерял всякую надежду вырваться из плена, когда бабушка принялась давать наставления насчёт обеда.

— А разве ты уходишь? — спросил я.

— Ухожу, — сказала бабушка, — до вечера ухожу.

— Жаль, — сказал я и опустил вниз свой единственный зрячий глаз. — Очень жаль. Но ты не беспокойся. Поем и даже посуду вымою. Делать всё равно нечего. А потом, книжку читаю. Замечательная книжка попалась. Про шпионов. За неё как сядешь — не оторвёшься. Целые сутки будешь читать и не надоест.

Я лёг на диван и раскрыл книжку.

С порога бабушка сказала:

— Чтоб зря дверью не хлопал, я тебя снаружи на ключ запру.

— Да ты что?! — подскочил я. — Вдруг... вдруг срочно нужно будет дверь открыть, а я на замке...

— Какая же такая срочность может быть? — спросила бабушка.

— Мало ли... — сказал я, лихорадочно соображая, что бы такое придумать. — Мало ли что может случиться... Например, пожар... Ну да, самый обыкновенный пожар. Так что ж, прикажешь гореть вместе с диваном и табуретками? Или прыгать без парашюта с пятого этажа?

— Господи! — всплеснула руками бабушка. — И чего только мелет?

Но я видел, видел собственным глазом: сейчас ключ останется по эту сторону двери и тогда... Мой глаз, наверно, меня и выдал. Бабушка покачала головой:

— Хочешь старуху провести, бесстыдник. Оставлю ключ Ефросинье Кузьминичне. Надо будет, постучишь в стенку, — откроет.

Хлопнула дверь, щёлкнул ключ и я остался, как узник в темнице: один и под замком.

Первым делом я забросил под стол книжку. Мне не хотелось читать про глупых выдуманных шпионов.

Мне хотелось на улицу. К Севке, к капитану, к моей команде. Но я понимал: сегодня это никак невозможно. И я принялся мечтать.

Буду тренироваться. Каждый день. Каждый час. Каждую свободную минуту. Слава обо мне пройдёт по всем дворовым командам. Посмотреть на меня будут собираться

толпы мальчишек с соседних улиц. Однажды возле хоккейной площадки остановится высокий человек с седеющими висками и весёлыми молодыми глазами. Он долго будет следить за игрой, а когда она кончится, выйдет на лёд и попросит у первого попавшегося мальчишки:

— А ну-ка, дай на минутку клюшку!

Мальчишка пожмёт плечами и отдаст клюшку человеку. А он кивнёт мне и скажет:

— А ну-ка, вставай в ворота!

Я тоже пожму плечами и встану в ворота. Человек сильным ударом пошлёт в ворота шайбу. Это будет очень трудно, но я её поймаю. Человек пошлёт ещё раз. Я поймаю опять. И так долго-долго. Потом человек вытрет со лба пот, улыбнётся и скажет:

— Давай знакомиться. Я тренер сборной Советского Союза по хоккею. Во взрослую тебе рановато, по возрасту, конечно. А в молодёжную — приглашаю. Вполне официально.

Все ребята, как один, пораскрывают рты, а я небрежно скажу:

— Что ж, лично у меня возражений нет. Только я буду выступать за свою команду, — я кивну в сторону Севки, капитана и остальных.

— А ты хороший товарищ! — похвалит тренер сборной. — Таким и должен быть настоящий спортсмен.

Я так размышлял, что не сразу услышал, что меня зовут с улицы.

Подбежал к окну — внизу вся команда надрывается в один голос:

— Кос-тя! Кос-тя!

Увидев меня, ребята замахали клюшками и закричали что-то вразнобой.

— Не понимаю! — помотал я головой. — Ничего не понимаю.

Капитан собрал всех ребят в кружок, взмахнул рукой и они хором закричали:

— Вы-хо-ди! Вы-хо-ди!

Я показал на забинтованную голову и заорал что было сил:

— Не мо-гу! За-пер-ли! Зав-тра обя-за-тель-но!!!

В стенку мне сердито постучали соседи. А снизу донеслось:

— Вы-здо-ра-вли-вай! Мы те-бя ждём!!! Вы-здо-рав-ли-вай!!!

Ребята ушли. Я спрыгнул с подоконника. Я не мог больше лежать на диване.

Вместе со всеми мне только что кричал и махал клюшкой Эдик. Я был рад, что он выздоровел. Но где взять теперь коньки и клюшку?

В передней лежали мои старые ботинки с коньками. Я достал коробку. Стряхнул пыль. Развязал бечёвку.

Через полчаса я легонько цокал коньками, разгуливая по комнате. Я был мокрым, словно вылез из ванны и забыл вытереться, и на каждом шагу морщился от боли. Зато теперь я мог выйти на лёд на собственных коньках.

Оставалась клюшка.

Её я решил сделать сам.

Папа очень любил по вечерам мастерить полочки, шкафчики и вообще всякие вещи для домашнего хозяйства. Я всегда удивлялся: и охота человеку, который строит настоящие большие машины, возиться с такой ерундой?

Под раковиной в кухне у нас был настоящий склад. Чего там только не было: и разные пилы, и отвёртки, и напильники! Так что насчёт инструментов я не беспокоился. Вопрос, как делать клюшку, меня тоже особенно не волновал. Семилетний ребёнок знает, что такое клюшка: палка с загогулиной на конце. А вот из чего сделать клюшку, я не знал. На улице можно было бы найти подходящий материал. А в квартире?

Нужно мне было совсем немного. Палку для ручки и кусок толстой фанеры для крючка.

Я ходил по комнатам и думал: вот положение! Хуже, чем у Робинзона Крузо. Он на своём необитаемом острове дом построил. А я не могу клюшку сделать!

Мне повезло. В передней возле вешалки из-под пальто выглядывала щётка.

Об этой щётке мама с бабушкой спорили давно. «Выбросить её пора, — говорила мама, — и купить новую». — «Зачем же выбрасывать, — говорила бабушка, — щётка совсем хорошая. Она нас с тобой переживёт».

Мне представлялся великолепный случай разрешить спор в мамину пользу. Я отпилю у щётки ручку и тогда, хочешь не хочешь, придётся покупать новую.

Хуже было дело с крючком для клюшки.

Три раза обошёл квартиру — ничего подходящего.

Я сидел на кухне, горевал и продолжал шарить глазами по полу, стенам и даже потолку. И вдруг я увидел: за невысоким белым кухонным шкафчиком гвоздь. А на гвозде... И как я сразу не сообразил?!

На гвозде висела доска, на которой мама разделявала тесто для пирогов. Доску делал папа. По правде сказать, там и делать было нечего. По краям листа толстой фанеры набил планочки — вот и вся работа.

Но маме доска очень нравилась. И её у нас брали все соседи.

Я подумал: если я оставлю маму совсем без доски, получится страшный тарарам. Но ведь мне вся доска и не нужна. Нужен совсем небольшой кусочек. Ровно на крюк для клюшки. А я, когда меня выпустят на улицу, найду подходящий лист фанеры и сделаю

маме другую доску. Новенькую. Я не очень-то умел обращаться с инструментами. Но недаром говорят: кто хочет, тот добьётся. Первый крюк не получился совсем. Второй — получше. А за третий меня бы похвалил, наверно, сам Иван Тихонович, наш учитель по труду.

Я отпилил у щётки ручку и прибил к ней гвоздями крюк. Намотал побольше синей изоляционной ленты и клюшка получилась хоть куда, совсем как настоящая. Погонял немножко по квартире банку из-под гуталина и стал убирать мусор. И тут только заметил: от маминой доски остался совсем маленький кусочек с ручкой, похожий на букву «Т».

Сначала я очень испугался. А потом подумал: из-за шкафа всё равно один только этот кусочек и выглядывал. Я повесил на гвоздь букву «Т» ногой вверх и отошёл на середину кухни. Так и есть! Будто никто и пальцем до доски не дотрагивался: висит себе и висит!

Когда вернулась бабушка, я лежал на диване с большущей книгой в руках.

Бабушка подозрительно посмотрела на меня, обошла всю квартиру, как видно, успокоилась и принялась готовить ужин. Потом пришли папа с мамой. Меня распирало от желания похвастаться клюшкой. Но я понимал: ничего хорошего из этого не получится и терпел. Только мне трудно было сидеть на одном месте, я бродил по квартире и всем мешал.

На кухне бабушка возилась около газовой плиты и что-то бормотала себе под нос. У меня было расчудесное настроение и я спросил:

— Опять с кастрюльками разговариваешь?

— Чем зубоскалить, — сказала бабушка, — щётку бы лучше принёс! Ишь, тут мусор какой-то, опилки, что ли, не пойму...

Я так и застыл с раскрытым ртом.

— Ну, — сказала бабушка, — чего стоишь? Иль не слышал?

Я не двигался с места, только глазами моргал. Бабушка покачала головой и, шаркая домашними туфлями, отправилась в переднюю.

Мне всё было видно: как она подошла к углу, где из-под пальто и плащей выглядывала щётка; как стала по привычке шарить рукой, разыскивая палку, на которой была насажена сама щётка. Я даже слышал, как бабушка бормотала: «И куда ж ты запропастилась?!»

А потом... Я никогда не думал, что взрослый человек может поднять такой крик из-за старой вылинявшей щётки. Просто, наверно, бабушка перепугалась от неожиданности. Прибежала мама, вышел папа, а бабушка держала в руках остатки щётки и причитала:

— Батюшки, да что же это делается? Батюшки...

Сначала бабушка и мама посмотрели на папу. Папа пожал плечами. Тогда все трое повернулись ко мне.

— Ты, может быть, объяснишь, — сердито сказала мама, — что это такое?

— По-моему, щётка... — сказал я.

— Я тебя спрашиваю совершенно серьёзно! — закричала мама.

Я молчал и думал, хоть бы кто-нибудь пришёл, что ли? Хоть бы гости какие-нибудь...

— Д-з-з... — зазвонил звонок.

Я пулей бросился к двери. На лестничной площадке стояла Лялька. Я обрадовался. Сейчас она скажет, что её мама просит зайти мою маму послушать новую долгоиграющую пластинку или посмотреть новую кофточку...

— Проходи, — сказал я. — Проходи, пожалуйста. Что ж ты стоишь?

Лялька вошла и стала со всеми по очереди здороваться:

— Здравствуйте, дядя Миша! Здравствуйте, тётя Вера!

Когда очередь дошла до бабушки, Лялька увидела щётку с отпиленной ручкой и захлопала в ладоши:

— Ой, какая хорошенькая! Вы её купили, да?

— Нет, — сказала бабушка в сторону, — он сделал.

— Ой, как мне нравится! — сказала Лялька.

— А ты попроси, он и тебе такую сделает.

— Правда? — спросила Лялька.

— Конечно, — ответила за меня мама и я понял, что тучи над моей головой рассеиваются.

Но я не знал, за чем пришла Лялька. Она поболтала ещё немножко и сказала:

— Тётя Вера, у мамы завтра день рождения, мы пирог будем печь, с вареньем. Дайте нам, пожалуйста, вашу доску для теста.

— Принеси, — сказала мама.

И всё началось сначала. Только теперь это была не бабушка, а мама.

— Ну, — сказала она, — чего стоишь, или не слышишь?

Потом она, как бабушка, покачала головой и пошла на кухню. Я видел, как она опускает руку за шкаф... Когда мама с каменным лицом вынесла в переднюю букву «Т», даже папа удивлённо поднял брови и сказал:

— Занятно...

А мама наклонилась к Ляльке:

— Скажи своей маме, что у нас нет больше доски для теста...

— А где же она? — спросила Лялька.

— А это надо узнать у Кости, — сказала мама. — Очевидно, он сделал из неё что-нибудь очень важное. Что именно, он нам сейчас расскажет. Ну?

— Ключку, — сказал я. — Хоккейную ключку.

— Вот видишь, так и передай своей маме, из доски для теста Костя сделал хоккейную ключку. Сейчас мы внимательно осмотрим квартиру, не исключено, что нас ещё ждут сюрпризы...

Лялька, вытаращив глаза, ушла.

Мне здорово попало от мамы и бабушки. А папа молчал и я не мог понять: сердится он на меня или нет. А если сердится — сильно или не очень.

Когда мама и бабушка немножко успокоились, мама сказала:

— Какой смысл было делать ключку, если ботинки с коньками тебе всё равно малы? А ведь ты прекрасно знаешь, новых в этом году мы тебе покупать не будем.

— А зачем мне новые, — сказал я. — Мне очень даже хорошо годятся старые. Не веришь? Пожалуйста, могу показать.

Я принёс из передней коробку, развязал бечёвку и открыл крышку. Я стиснул зубы и приготовился изо всех сил тянуть ботинок, но ничего этого делать не пришлось. Нога в ботинок проскочила совсем свободно. У меня на голове зашевелились волосы. Ещё бы: два часа назад я еле напялил ботинки. А сейчас... Не могли же они за это время вырасти?

Мама сначала очень удивилась, а потом нахмурилась:

— Опять какие-нибудь фокусы?

— Честное слово... — начал я.

Мама повернулась к папе:

— Михаил, может быть, ты объяснишь, что происходит в этом доме?

Папа отложил газету.

— Это насчёт чего?

— Я спрашиваю совершенно серьёзно! — сказала сердито мама и даже топнула ногой.

— А! — сказал папа. — Коньки? Видишь ли, я купил их для будущей зимы. Но, коль скоро ботинки не очень велики, думается, Константин может покататься немного и сейчас. Но это в том, разумеется, случае, если ты не будешь возражать. Так ведь, Константин?

— Конечно, — сказал я. — Только в этом случае.

Мама молчала долго-долго. Потом покачала головой и засмеялась:

— Ну и хитрющие вы у меня, мужчины!

Глава восьмая

И вот наступил день, когда я вышел на лёд на своих коньках, со своей клюшкой. Мне казалось, весь мир будет потрясён этим событием. Ничего подобного.

— Порядок! — только и сказал капитан.

А Севка покрутил в руках мою клюшку и хмыкнул:

— Что это?

— Разве не видишь? — сказал я. — Клюшка.

Севка хлопнул себя по лбу.

— Верно! Как я сразу не догадался. Из музея?

— Да, — сказал я, — ею ещё доисторические люди играли, в каменном веке.

— Ценная вещь для науки, — сказал Севка. — Ты её береги.

— Ладно, — пообещал я, — постараюсь.

Часа через два я возвращался, домой. Настроение у меня было хуже некуда.

Рядом вышагивал Севка и философствовал:

— Думаешь, сделал клюшку, надел ботинки с коньками и всё в порядке — готов хоккеист мирового класса? Не-ет! Тут попотеть надо. Меня, например, в какую хочешь команду возьмут. А почему? Очень просто! Утром встал — клюшку в руки и на каток. Из школы пришёл — опять на каток. Понял? И так каждый день!

Я ничего не сказал Севке. Но про себя твёрдо решил: в лепёшку расшибусь, а научусь играть в хоккей. И не как-нибудь — хорошо. Лучше Севки. Лучше самого Лёши.

На уроках в этот день я разрабатывал планы тренировок и общей физической подготовки, без которой, как известно, не может обойтись ни один серьёзный спортсмен.

Вовка Краснопёров принялся было рассказывать про свой карманный радиоприёмник, но его голос доносился до меня словно из-за тридевяти земель. Вовка заметил, что я не слушаю, и сказал:

— Ты сегодня какой-то чудной. Рассеянный.

— Что ты понимаешь, — ответил я. — Вот про знаменитого учёного Ньютона тоже говорили рассеянный. Раз приходят к нему — он себе завтрак готовит. Яйцо держит в руках, а в кастрюльке часы варятся. Так думаешь, потому что рассеянный? Наоборот. Он очень сосредоточенный был. Думал о чём-нибудь очень важном.

— И ты тоже сейчас думал? — спросил Вовка.

— Угу, — сказал я.

— А про что, не скажешь?

— Скажу. Потом. Чего раньше времени болтать?

Вечером после школы я быстро поужинал и проговорил, словно раздумывая вслух:

— Пожалуй, не вредно перед сном проветриться на свежем воздухе!

— Только не долго, — сказала мама.

— Ладно, — сказал я, надел в передней ботинки с коньками и, стараясь не стучать, выбрался на лестницу.

На другой день даже папа удивлённо крикнул. Когда он проснулся, я под весёлую бодрую музыку делал утреннюю зарядку.

Я тренировался, как Севка, два раза в день: утром и вечером.

Одно плохо — у нас не было своего катка. Мы всегда ходили на чужие площадки. А это, известное дело: пришли хозяева — сматывай удочки. Ищи другую площадку или путайся в ногах у прохожих на улице.

Насчёт катка придумал Лёша-капитан. И мы все удивились: как это не пришло никому в голову раньше.

Летом посередине нашего двора — волейбольная площадка. А зимой — по пояс снежные сугробы.

— Чего проще, — предложил Лёша, — расчистим снег и зальём каток.

— А кишка? — спросил Серёжка Блохин. — Где возьмём кишку?

— У нас есть шланг, — сказал Федя. — Им папа летом цветы поливает. Вон, между прочим, и кран...

— Братцы! Это ж здорово! Сейчас раскидаем снег, напустим воды и вечером, пожалуйста, — у нас свой каток! — Севка выбил чечётку и завопил во всю глотку: — Эге-ге-ге! Ого-го-го!

— Фёдор, за шлангом! — приказал капитан. — Остальные за лопатами!

— А у нас нет, — сказал я. — Нет лопат.

— И у нас нет, — вздохнул Борис.

— Не беда, — сказал Лёша, — будем работать по очереди.

Из-за первой очереди мы чуть не подрались. Каждому хотелось первому покидать снег. А на семерых оказалось всего три лопаты.

— Будем тянуть жребий! — сказал Лёша.

— Ещё чего?! — фыркнул Севка. — Я принёс лопату, а кидать будет дядя?! Нашли дурака!

— Слушай, умник, — нахмурился Лёша. — Забирай свою лопату и чтоб духу твоего здесь не было. Понял? А у нас ровно шесть человек останется, как раз полная команда. Понял?

— А я что? — пробормотал Севка. — Я ничего...

Лёша достал семь спичек, у трёх отломал головки, зажал спички в руке, так, что виден был ровный заборчик, и предложил мне:

— Тяни!

Я немного подумал и вытянул среднюю спичку. Без головки.

— Теперь я, — сказал Севка. — Моя очередь!

Лёша опять нахмурился.

— Ладно, пусть тянет, — сказал Эдик.

Севка долго примерялся. Глядел на спички и так, и этак. Взялся было за одну, глянул на Лёшу и отдёрнул руку, точно его ударило электрическим током.

— Хитрый! Думаешь, я не вижу?!

— А если видишь, — закричал сердито Лёша, — тяни, не морочь голову!

Севка торопливо выдернул крайнюю спичку и с досады плюнул:

— Выбрать даже не дадут. Вот люди!

Вторая спичка без головки досталась Эдику. Третья — Лёше.

Мы поплевали на ладоши и дружно взялись за лопаты.

Мне всегда нравилось смотреть, как дворники разгребают снег. Только что перед тобой был сугроб, а теперь, пожалуйста, — чистенькая дорожка... И работа казалась мне весёлой и лёгкой. Покидывай себе снежок — одно удовольствие! Я и раньше замечал, со стороны часто так — подумаешь, что особенного? А возьмёшься сам... Очень скоро мы взмокли, как мыши, от нас валил пар, а снега убавилось совсем немножко. Первым сдался Эдик. Он воткнул лопату в снег и хрипло сказал:

— Следующий!

— Слабаки! — засмеялся Севка. — Тоже мне работнички. Учитесь, пока жив!

Лопата в Севкиных руках замелькала быстро-быстро.

— Жарко! — сказал Севка минут через пять и покосился на нас. — В общем, если кто хочет, могу уступить лопату...

Мы стояли и молча улыбались.

Севка вытер шапкой мокрое лицо и жалобно протянул:

— Кто бы мог подумать, что в такой маленький двор может влезть такая прорвища снега?!

Целую неделю мы работали как каторжные. Зато каток получился, какого не было ни в одном соседнем дворе.

Отец Феди помог сколотить хоккейные ворота. А старший брат Эдика провёл над площадкой электричество.

В воскресенье мы устроили торжественное открытие катка.

Главным распорядителем был Севка. Повязав на руку красную повязку, он носился по двору, как метеор и всеми командовал.

Взрослые хвалили нас:

— Давно бы так!

— Молодцы, ребята!

— Когда человек делом занят, на него приятно посмотреть!

А мать Эдика сказала моей бабушке:

— Хоть на глазах будут. Всё спокойнее...

Гвоздём дня была показательная хоккейная встреча. Нашими соперниками были ребята с соседней улицы.

Мы договорились играть вежливо. Получился не хоккей, а балет на льду.

Один раз Севка было сцепился с мальчишкой в клетчатом свитере. Но тут подоспел судья, а за ним оба капитана и противники разъехались.

Все остались очень довольны встречей, игроки и зрители.

Вечером за ужином мама сказала:

— Надеюсь, теперь, когда каток построен, мы будем чаще, чем последние дни, видеть тебя дома?

Мы все — бабушка, папа и я, точно по команде, повернули головы.

Мама пожала плечами:

— Что вы на меня вдруг уставились?

— Странно, — сказал папа, — до сих пор тебя беспокоило, что Константин мало бывает на улице.

— Да, — сказала мама, — но для всего существуют разумные границы...

— Тебе кажется, что Константин их преступил?

— Нет, но...

— Мама, — сказал я, — положи, пожалуйста, если можно, ещё одну котлету. Проголодался что-то.

Мама пристально поглядела на меня и погрозила пальцем.

— Честное слово! — сказал я, — у меня последнее время прямо-таки волчий аппетит!

— Тьфу, тьфу, не сглазить бы, — сказала бабушка, — и вправду, точно подменили ребёнка. Бывало, ковыряется, ковыряется в тарелке, а теперь под метёлку подбирает...

— Ничего удивительного, — сказал я. — Здоровый образ жизни. Свежий воздух! Физические упражнения.

— Всё это очень хорошо, — сказала мама, — а всё-таки...

— Не понимаю тебя, Вера, — сказал папа. — Вечно у себя страхи и опасения...

Папа хотел, как видно, сказать ещё что-то. Но мама показала глазами в мою сторону и он взялся за газету. А я понимал, что хотела сказать мама. Очень даже хорошо понимал.

Моряки говорят, будто чайки заранее знают о приближении бури. У них для этого есть какое-то шестое или седьмое чувство. Наверно, такое чувство было и у моей мамы. В моей жизни уже давно было не всё благополучно, а надвигалась — я в этом скоро убедился — самая настоящая буря.

По правде сказать, из-за хоккея и катка у меня уже давным-давно не хватало времени не только на книжки про шпионов...

«Стоит ли волноваться, — думал я, — закончим с катком и тогда всё пойдёт как надо».

Я ошибся.

А тут ещё у нас появился новый капитан.

Получилось так.

Мы собрались на тренировку и ждали Лёшу. Он опаздывал.

— Семеро одного не ждут, — ворчал Севка. — Будь он хоть сто раз капитаном. Дисциплина для всех одинаковая.

Мы уже погоняли шайбу и собирались расходиться, когда прибежал капитан. Без коньков и клюшки. И сияет, как ясное солнышко.

— Ребята, можете поздравить!

— С чем это?

— Нам квартиру дали. Трёхкомнатную. В новом доме. Лифт есть, мусоропровод, балкон и вода горячая и холодная.

— Здорово! — сказал я. — Прими и прочее! — и пожал капитану руку.

Вслед за мной Лёшу поздравили остальные.

— Так, — сказал Федя, — значит, скоро переезжаете?

— Завтра, — сказал Лёша. — Или послезавтра. Батя говорит: чего тянуть?

— Так... — ещё раз сказал Федя. — Значит, в понедельник играем без тебя.

Лёша помрачнел.

— Почему без него? — сказал Эдик. — Приедет и будет играть. Чего тут особенного? Думаешь, игроки «Спартак» или «Динамо» в одном дворе живут?

— Нет, — сказал Лёша. — Не выйдет. Один или два раза я могу сыграть. А потом? Через всю Москву не будешь каждый день ездить. Так что лучше сразу...

Мы провожали капитана всей командой. Помогали таскать вещи. Федя даже ухватился вместе с взрослыми за буфет, но его прогнал Лёшин отец.

А когда машину погрузили, около крыльца собрались чуть не все жильцы дома. Какие-то старушки в чёрных платках утирали слёзы.

Лёшина мать со всеми по очереди целовалась и улыбалась, и плакала сразу.

— Шутка сказать, всю жизнь здесь прожила и вот тебе...

— Оставайтесь! — крикнул кто-то.

— Нет уж, — сказала Лёшина мама, — это вы к нам переезжайте!

— Обязательно переедем! — пообещал я за всех.

Лёшин отец взъерошил мне волосы:

— Молодцы, ребята! Спасибо за помощь. Мы бы без вас так быстро не управились.

Лёша тоже попрощался со всеми по очереди. Потом достал из кармана что-то маленькое и блестящее и протянул Эдику:

— Для будущего капитана. Когда выберете.

Я заглянул в Лёшину ладонь. На ладони лежал его значок: серебряные коньки и клюшка.

— Зачем?! — сказал я. — Не надо!

— На память, — сказал Лёша. — Я себе ещё выточу.

— Алексей! — крикнул Лёшин отец. — Тебя одного ждём.

Лёша забрался в кузов грузовика. Машина отъехала. Лёша вместе с матерью и сестрёнкой сидел на диване и махал нам рукой. Мы махали ему.

— Вот и всё, — сказал Севка, когда машина скрылась за углом. — Надо выбрать нового капитана.

— Может, потом? — предложил Эдик. — Завтра.

— Нет уж, — сказал Севка. — Забыл, что Лёша говорил: лучше сразу.

Ясно было, куда клонит Севка.

— А чего выбирать? — Серёжка Блохин сплюнул через зубы и попал себе на рукав. — Ты и будешь капитаном.

— Я могу, — быстро согласился Севка. — Если остальные не возражают...

Мы не возражали. Мы, конечно, знали, что у Севки есть недостатки. Но из нас он играл в хоккей лучше всех.

Севка очень уж любил командовать и Федя сказал:

— Только чтоб нос не задира!

— И не орал на поле, — продолжил Эдик.

— И...

Мы высказали свои пожелания новому капитану. Но Севка их не слышал. Он смотрел на кулак Эдика, в котором был Лёшин значок, ставший теперь капитанским значком нашей команды.

— Ладно, — сказал Севка, когда мы кончили, — на всё согласен! — и протянул руку к Эдику: — Давай!

Серебряные коньки и клюшка вспыхнули на Севкиной груди. Севка стал нашим капитаном.

Глава девятая

Мы не сразу привыкли к новому капитану.

У него было семь пятниц на неделе. Он орал на нас так, словно был римским императором, а мы — его рабами.

Если с Севкиной подачи кто-нибудь из нас мазал по воротам, он кричал на весь двор:

— Не команда, а сплошные рахитики! С двух метров по воротам попасть не могут!

Если же мазал сам Севка, виноватыми получались опять-таки мы.

— Кто так подаёт?! Лопухи несчастные! — выходил он из себя.

Когда только можно, Севка обязательно жульничал.

Как-то раз мы играли с ребятами из пятнадцатого ЖЭКа.

Я пропустил шайбу. Сам даже не знаю как. Шлёпнулся, а шайба уже в воротах. Лёжа на животе, я её и выкинул. А судье показалось, будто шайбу я взял, будто гола не было.

Но многие ребята видели, что шайба побывала в сетке. Казалось бы, чего проще: гол есть гол. Так и надо было сказать судье. А Севка заспорил. Он бил себя кулаками в грудь и кричал:

— Не было гола! Провалиться мне на месте, если вру!

Я потянул Севку за свитер и тихонько сказал:

— Был же гол...

Севка зыркнул на меня злыми глазами и прошипел:

— Пикни только!

Гол нам не засчитали. Судья назначил спорный.

В перерыве я сказал Севке:

— Так ведь был гол... Может, ты плохо видел?

— Ха! Слепой я, что ли? — сказал Севка. — Сам видел, что был.

— Так чего же? — удивился я.

— Ничего! Судья-то не видел!

Мы сыграли вничью.

После финального свистка судьи Севка подъехал ко мне:

— Понял теперь? А то бы проиграли. Соображать надо!

— Зря это ты, — сказал я.

— А что зря? Что зря?! — вскипел Севка. — А ты видел, как ихний вратарь из сетки шайбу выкидывал? Нет? А я видел! Они могут жульничать, а мы нет?

Никто из нас этой шайбы не видел. Но разве Севку переспоришь? Я махнул рукой.

Раньше у меня было много всяких «надо». И ещё больше всяких «нельзя». Теперь и тех, и других здорово поубавилось.

Насчёт уроков у нас с Севкой давно был разговор, ещё тогда, когда его ко мне только прикрепили. Севка поглядел, как я делаю домашние задания и спросил:

— Неужели всё подряд учишь?

— Конечно, — сказал я.

— А если сегодня спросят, завтра всё равно учить будешь?

— А как же?

Севка засмеялся.

— Чудак!

Я сказал с достоинством:

— Я учусь не для отметок. Для знаний. В наш век...

— Ладно! — зевнул Севка. — Без тебя знаю. Сто раз слышал. Надоело.

Теперь для меня всё это было давно прошедшим временем. На уроках я лавировал, как лихой лоцман в проливе, утыканном рифами. Время от времени меня допекали с Севкой.

— Что-то, Горохов, не высокие успехи у твоего подшефного, — говорил кто-нибудь из учителей.

Я вставал и пожимал плечами:

— А что я могу сделать? Он отстал очень.

— Конечно! — тут же вскакивал Севка. — Шуточки, четыре года человек лодырничал, а теперь всё сразу догонять приходится!

Учитель улыбался:

— Ну-ну, желаю успехов!

Успехи у нас были. Особенно у меня.

Я освоил все Севкины «приёмчики». Все соседние дворы я изучил за полтора месяца лучше, чем за все предыдущие двенадцать лет жизни. Я научился плевать сквозь зубы так, что все мальчишки зеленели от зависти.

У меня, наверно, были бы ещё большие успехи. Но тут грянул гром. Нежданно-негаданно.

Я очень любил географию. И когда учитель Леонид Михайлович вызвал меня к доске, он, как всегда, спросил у класса:

— Ну как, ребята, может быть, не будем тратить зря время на Горохова? А? Поставим ему пятёрку и дело с концом? А вместо него спросим... — Леонид Михайлович начал изучать журнал.

В классе поднялся гвалт:

— Пусть тоже отвечает!

— А вдруг он не выучил?!

— Сомнительно, — покачал головой Леонид Михайлович. — Весьма сомнительно. Но, коль такова воля большинства, — Леонид Михайлович развёл руками, — ничего не поделаешь, Горохов, придётся тебя побеспокоить.

Леонид Михайлович, понятно, шутил. Но всем нам это нравилось.

Я вышел к доске и отчеканил урок, да ещё прибавил такое, чего нет в учебнике и что не рассказывал Леонид Михайлович.

— Вот видите, — Леонид Михайлович снова развёл руками, — выходит, опять напрасно побеспокоили человека. Извини нас, пожалуйста, Горохов!

На следующем уроке географии я сидел и думал о разных разностях, когда услышал свою фамилию. Я решил, что ослышался.

Но Леонид Михайлович сказал:

— Итак, Горохов, мы ждём.

— Меня? — спросил я.

— А разве у нас в классе есть второй Горохов? — спросил Леонид Михайлович.

— А что я должен делать? — спросил я.

— Выйти к доске и отвечать урок, — сказал Леонид Михайлович.

Все засмеялись.

Я вышел к доске и посмотрел в окошко. В голубом небе вилась стая белых голубей.

— Ну-с, — сказал Леонид Михайлович, — прошу начинать. Расскажи нам о величине земного шара.

Я не мог выдавить из себя ни одного слова. Если бы нам задали что-нибудь другое, я, может, и ответил. А тут надо было сказать несколько цифр. А я их не знал. Не может же человек знать всё на свете!

— Тише, тише! — сказал Леонид Михайлович, потому что в классе стал подниматься шум.

И тогда я брякнул:

— А Земля не круглая!

Сразу сделалось так тихо, что стал слышен голос Анны Ивановны из соседнего класса за стеной.

— Занятно! — сказал Леонид Михайлович. — А какая же она, на твой взгляд? Плоская и похожа на тарелку?

— Нет, — сказал я. — Зачем на тарелку? Она похожа на грушу...

— Ах, так, — сказал Леонид Михайлович, — не на яблоко, огурец или картошку, а именно на грушу?

— Да, — сказал я, — Именно на грушу...

Ребята давились от смеха.

— Тише, тише! — сказал Леонид Михайлович. — Как это ни странно, Горохов по обыкновению прав. Некоторые учёные утверждают, что Земля не просто шар и не шар, сплюснутый с полюсов. Есть точка зрения, что Земля имеет гораздо более сложную

форму, действительно напоминающую форму груши. Ну, Горохов, а по поводу заданного на сегодня ты имеешь что-нибудь нам сообщить?

Я молча опустил голову.

— Нет? Жаль! Какую отметку в таких случаях ставят, ты, очевидно, знаешь?

Я продолжал молчать.

— Учитывая твои прежние заслуги, мы сегодня твои познания оценивать не будем, а продолжим разговор на одном из ближайших уроков. Не возражаешь?

— Не возражаю, — шёпотом проговорил я.

— Значит, договорились. Можешь сесть на место.

Весь урок я просидел, уткнувшись носом в парту.

На перемене ко мне подошёл Игорь Булавин, председатель совета нашего отряда.

— Ты, правда, не выучил?

— Я? Не выучил? Откуда ты взял? — вытаращил глаза. — Просто в самый последний момент из головы выскочило. В классе форточка открыта. Сквозняк. Вот и выдуло.

— Слушай, Горохов! — Игорь от возмущения даже заговорил басом. — Ты последнее время мне не нравишься.

— Ты мне тоже, — сказал я. — И, между прочим, никогда не нравился.

— Оч-чень хорошо, — сказал Игорь. — После каникул мы с тобой встретимся на заседании совета отряда!

— Оч-чень приятно, — сказал я и вышел из класса.

Но нам с Игорем пришлось встретиться на совете отряда гораздо раньше. Только ни он, ни я этого ещё не знали.

Глава десятая

В нашем классе произошло ЧП. Чрезвычайное происшествие.

Несколько лет назад в нашей школе побывали гости с Цейлона, острова в Индийском океане. Наши ребята завалили их всякими подарками: самодельными полочками, шкатулочками и вышитыми салфетками. Гости дарили в ответ значки. Но нас было много, а гостей мало и значки у них скоро, кончились. И когда в пятом «Б» им преподнесли очень здорово сделанную модель Спасской башни Кремля, один из гостей, совсем седой смуглый человек, полез в карман пиджака, достал оттуда прозрачный пакетик и вытряхнул из пакетика зёрнышко. А переводчица объяснила, что господин такой-то, я забыл его имя, дарит в знак дружбы семечко лимона. Ребята тут же посадили семечко в горшок с землёй и дали цейлонскому гостю маленькую леечку, чтобы он первым полил землю.

Когда пятый «Б» сделался шестым «Б», долго спорили, что сделать с лимоном. Многие предлагали, чтобы он путешествовал с бывшим пятым «Б» из класса в класс. Но, говорят Николай Степанович, директор школы, предложил, чтобы за лимоном ухаживал каждый пятый «Б» класс.

Мы были третьим пятым «Б», которому досталось дерево дружбы, как в торжественных случаях назывался лимон. Мы очень гордились своей ролью и ухаживали за лимоном так, точно это была самая величайшая драгоценность на свете.

И когда однажды мы сорвали урок рисования, Николай Степанович сердито сказал:

— Очевидно, хотите его лишиться! — и кивнул на подоконник, где стоял лимон.

Мы трусили. Мы знали, в позапрошлом году у пятого «Б» за срыв урока на целую неделю отняли дерево дружбы. Это была чёрная неделя для всего класса. На следующем уроке рисования стояла мёртвая тишина. Вот что такое было для нас лимонное деревце, стоявшее на подоконнике в классе.

На последней перемене я подпирал стенку в коридоре, когда из класса донёсся грохот. Секунду спустя дверь класса приоткрылась и в образовавшейся щели показалась голова Севки. Севка огляделся по сторонам и проворно шмыгнул в толпу ребят. Я хотел было заглянуть в класс, но тут, точно из-под земли, выросла Томка Новожилова, она была дежурной, и затараторила:

— Дадут звонок, вместе со всеми войдёшь. А то, если каждый будет на переменке входить в класс, никакого порядка не будет.

Когда звонок действительно прозвенел и мы, напирая друг на друга, ввалились в класс, то увидели такое, от чего самые горластые потеряли дар речи. Весь пол от окна до учительского стола был засыпан землёй и глиняными черепками. У доски лежало растоптанное лимонное деревце.

Мы завопили все. Тридцать пять человек сразу. В нас проснулись, наверно, какие-нибудь дикие предки, которые таким образом выражали своё горе. Потом девчонки побежали за новым горшком для лимона, а Игорь вскочил на учительский стол, чего с ним в жизни не бывало, и приказал:

— Дежурные, ко мне!

С круглыми, как у кукол, глазами к столу стали пробираться Томка Новожилова и Лялька Гребешкова.

— Ну, — сказал Игорь, — мы слушаем...

Томка и Лялька часто-часто заморгали глазами и начали всхлипывать.

— Прекратить! — рявкнул Игорь.

Томка и Лялька заревели в голос.

Мы не заметили, как в класс вошла ботаничка, Любовь Дмитриевна.

— Что здесь происходит?! — сердито крикнула она. — Булавин, что всё это значит?!

Игорь спрыгнул со стола и показал на пол, испачканный землёй и черепками, и сломанное лимонное деревце.

Весь урок полетел, понятно, вверх тормашками.

Пока искали горшок, пока пересаживали лимон, пока Любовь Дмитриевна подрезала повреждённые веточки — прозвенел звонок.

В нашем классе сразу началось столпотворение. Набилось чуть не полшколы. Пришёл директор, завуч Светлана Владимировна, классный руководитель Анна Ивановна. Томка и Лялька с распухшими от слёз физиономиями твердили одно и то же: они ничего не видели, они ничего не знают...

— Вот что, — сказал директор, — я полагаю, нам здесь делать нечего. В классе, достаточно взрослые люди для того, чтобы самим разобраться в происшедшем. Согласны? — спросил директор у нас.

— Согласны! — ответили мы нестройным хором.

Директор выпроводил всех ребят и ушёл сам. Вместе с ним ушли учителя. Мы остались одни.

Игорь засунул ножку стула в дверную ручку, чтобы никто не лез в класс и объявил экстренный, внеочередной сбор отряда открытым. Постучал карандашом по столу и сказал:

— Надеюсь, тот, кто это натворил, встанет сейчас и всё расскажет нам.

Игорь замолчал и строго оглядел класс. Однако никто не встал и ничего не рассказал. Тогда Игорь произнёс длинную гневную речь. Но и она не помогла. За Игорем стали выступать другие.

— Оказывается, — начала Аня Муравьёва, она была у нас старостой, — среди нас есть пионер, нет, не пионер, а просто трус, которому не дорога честь отряда, который...

Она ещё долго перечисляла всякие «которые»... Через полчаса в классе стоял крик, как на новгородском вече. Один только человек вёл себя так, будто происходящее его совершенно не касается. Этим человеком был Севка. Он сидел за своей партой и читал пухлую, растрёпанную книгу. Меня распирало от возмущения. Я готов был вскочить и указать пальцем на Севку: «Вот чья это работа». И рассказать всё, что я видел. Но мне хотелось, чтобы Севка сознался сам.

Я поднялся и, не сводя с Севки пристального взгляда, твёрдо произнёс:

— Ребята, лимон уронил я.

Сразу наступила тишина. А Севка посмотрел на меня и снова уткнулся в книжку.

— Так, молодец, — сухо бросил Игорь. — Ну, докладывай.

— Нет! — мой голос сорвался. — Пусть Мымриков расскажет. Он всё видел...

— Хорошо, — согласился Игорь, — пусть говорит Мымриков.

Я прямо-таки сверлил взглядам Севку. Он поднялся, пожал плечами:

— Как уронил? Обыкновенно. Как роняют. Полез на окно, задел ногой и готово. Горшок на мелкие кусочки. А когда спрыгнул, наступил на лимон.

— Ты всё видел? И до сих пор молчал?! — глаза Игоря метали громы и молнии.

— А мне что, больше всех надо?

— Ясно, — сказал Игорь. — Все могут разойтись. Попрошу остаться членов совета отряда. И Горохова. А завтра проведём отрядный сбор. Обсудим и примем меры.

Я подскочил, точно ужаленный:

— Нечего меня обсуждать!

— Это ещё почему? — спросил Игорь.

— Потому, что не я уронил лимон. Вот почему!

— А кто же тогда?

— Севка Мымриков. Вот кто!

— Видали психа! — вскочил Севка. — Сначала рассказывай. А теперь, выходит, и не он лимон разбил? Вы как хотите, а я пошёл. Меня дома ждут. Мне домой надо!

Он сунул книжку в портфель и вышел из класса, громко хлопнув дверью.

Глава одиннадцатая

Сбор совета отряда состоялся в тот же день.

Я в одиночестве тосковал за первой партой. Напротив меня за учительским столом разместился совет отряда. В полном составе. Все пять человек. Двое мальчишек и три девочки. Посередине восседал Игорь. От него на меня веяло арктической стужей.

— Ну, — сказал Игорь, — мы тебя слушаем, Горохов!

— Чего меня десять раз слушать? — сказал я. — Не патефонная пластинка...

— Прежде всего, не груби, Горохов. А потом, не все присутствовали на отрядном сборе.

Игорь покосился на последнюю парту. Там сидели наш классный руководитель Анна Ивановна и старшая пионервожатая Нина Николаевна.

— Ладно, — сказал я. — Могу повторить: стоял в коридоре, слышал грохот, видел, как из класса выскочил Севка...

— Предположим, мы тебе верим...

— Спасибо! — Я согнулся пополам.

— Не кривляйся, — сказал Игорь. — Нас интересует не только сегодняшний случай. Отчитайся, как ты выполняешь порученное тебе пионерское поручение...

«Порученное поручение, — думал я. — Не человек — тоска дремучая».

— А... А потом мы поговорим о тебе самом, о твоём поведении.

— Даже так? — сказал я.

— А ты как думал?

— Пожалуйста, — сказал я. — Давай поговорим обо мне. Только прежде покончим на счёт Севки. Так вот. С Севкой больше возиться не буду. Можете мне закатить выговор. Два. Три. Хоть десять...

— Минутку, минутку, — перебила меня Анна Ивановна. — Мне кажется, ты, Горохов, напрасно горячишься. Нельзя сказать, чтобы у тебя не было никаких результатов.

— Например? — спросил я.

— Письменные домашние задания Мымриков уже самостоятельно готовит? Готовит!

Я поглядел в окошко. Там было темным-темно. И голуби давно спали по чердакам и голубятням.

— Так ведь, Горохов?

— Нет, — сказал я, — не готовит Севка самостоятельно домашние задания. Ни устные, ни письменные...

— То есть? — спросила Анна Ивановна. — Не понимаю.

— Чего ж тут непонятного, — сказал я. — Списывает каждый раз...

Сначала мне никто не поверил. Даже Игорь сказал:

— Оставь свои неуместные шутки! Ты находишься на сборе совета отряда, а не на вечере самодеятельности.

Должно быть, у меня было не очень-то весёлое лицо. Потому что Игорь уставился на меня и его физиономия стала вытягиваться.

— П-постой! — Игорь, когда волновался, начинал заикаться. — Т-ты серьёзно?

Я пожал плечами. Члены совета отряда застыли, как деревянные. И только моргали глазами.

— Это уже нечто новое, — сказала Анна Ивановна и с последней парты пересела на первую в соседнем от меня ряду. — У кого же он списывает, если не секрет?

Я молча смотрел в окошко.

— У тебя?

Я кивнул головой.

— Мамочка, что делается... что делается... — испуганно забормотала Надя Лазаренко.

— Расскажи поподробнее, — сказала Анна Ивановна.

— А чего рассказывать? — спросил я.

И рассказал всё. От начала до конца.

— Веди сбор, Булавин, — сказала Анна Ивановна, когда я кончил своё повествование.

— К-кто хочет в-высказаться? — спросил Игорь.

— Я хочу! — встал Алик Камлеев.

Алик в своей школе был председателем совета отряда. И, видно, очень хотел, чтобы его выбрали и у нас. А его не выбрали. Просто потому, что плохо знали. И теперь он из кожи лез, чтобы доказать, какой он сознательный и принципиальный.

— Я считаю, — сказал Алик, — Горохова следует исключить из пионеров. Снять перед строем дружины галстук. Я считаю, не честно...

Но тут его перебила Надя Лазаренко. Она покраснела и сказала:

— Я считаю, не честно сводить на совете отряда личные счёты! Вот что я считаю!

После Надькиных слов покраснели сразу трое: Алик, Ира Зимина и я.

— Какие тут могут быть личные счёты? — сказал Алик и покраснел ещё больше. — А в общем, могу и сесть...

Алик говорил неправду. Личные счёты у нас были.

Однажды он здоровенными буквами написал на доске:

ИРА З. + КОСТЯ Г. = Л.

Все, понятно, сразу догадались, о каких Ире З. и Косте Г. идёт речь. И чему всё это равняется.

После дурацкой надписи на доске я старался даже не смотреть на Зимину. Я думал, Алик вообще против дружбы мальчишек с девочками. А потом увидел, что он просто-напросто сам хочет дружить с Зиминной. И тогда на той же классной доске я ещё более здоровыми буквами вывел:

ИРА З. + АЛИК К. =

Мне не хотелось, чтобы это равнялось букве «Л» и потому после двух чёрточек нарисовал большой кукиш.

Весь класс покатывался, когда увидел моё сочинение. А Алик возненавидел меня лютой ненавистью.

Алик не успел сесть, как слово попросила наша староста Муравьёва. Она скосила глаза на Анну Ивановну и сказала:

— Какие тут могут быть личные счёты? Я принципиально считаю, Горохова надо строго наказать. Надо...

И пошла.

Когда Муравьёва кончила, Игорь спросил:

— Какие будут предложения?

— Подожди, — Ира Зимина отодвинула стул, — я тоже хочу сказать.

— П-пожалуйста! — сказал Игорь. — К-кто т-тебе запрещает?

— По-моему, — сказала Зимина, — мы сами виноваты. И ты тоже, Булавин.

— И-инт-тересно! — сказал Игорь.

— А разве нет? Что получилось? Спихнули Мымрикова на одного человека и успокоились.

— Надорвался, бедненький, — сказал Алик. — От одного поручения.

— Что-то ты сам за это поручение не взялся, — сказала Ира. — Тебе предлагали.

— У меня нагрузок хватает, — сказал Алик.

— Зимина, — сказал Игорь, — ты отвлекаешься. Мы обсуждаем сегодня Горохова, а не Камлеева. А это факт — Горохов не помог Мымрикову, а наоборот...

Я разозлился.

— А почему вообще я должен ему помогать? Почему мне никто не помогает? И почему мы должны цацкаться с лодырем? Не хочет учиться? Не надо. Его дело!

— Во-первых, — сказал Игорь, — истории известны случаи, когда из ленивых людей и даже хулиганов получались выдающиеся личности...

— Что-то я не слышал про такие случаи, — сказал я.

— Я не подготовился по этому вопросу. А завтра, если хочешь, приведу тебе конкретные примеры. Во-вторых, возможно, Зимина, кое в чём права. Но разве сейчас мы тебе не помогаем?

Я промычал что-то нечленораздельное.

— Мне кажется, — сказала Ира, — Горохов многое понял. Иначе бы он нам ничего не рассказал. Я уверена, и с Мымриковым у него тоже всё получится. Горохов последнее время сильно изменился...

— Ещё бы!.. — сказал Алик.

— Напрасно так ехидно улыбаешься! — Ира повернулась к Алику. — Ошибаться каждый может. А вообще, Горохов, по-моему, хороший ученик, хороший пионер и хороший товарищ!

— Вот это да-а! — пропел Алик.

Ира сверкнула сердитыми глазами на Алика:

— Я б тебе сказала, кто ты такой!

— Зимина, — укоризненно сказал Игорь. — Сколько раз надо предупреждать, сегодня мы обсуждаем Горохова. Анна Ивановна, может, вы выступите? Или вы, Нина Николаевна?

Анна Ивановна и Нина Николаевна, конечно, выступили. От меня летели пух и перья. Никогда мне ещё так здорово не доставалось. Я сидел, уткнувшись носом в парту, и старался ни на кого не глядеть.

Под конец Анна Ивановна сказала:

— А в отношении Мымрикова пусть Горохов решает сам. Справится — пусть берётся. Не справится — пусть сразу откажется.

— Ну, Горохов, — сказал Игорь. — Справишься с Мымриковым? Мы тебя, конечно, поддержим.

Перед началом совета отряда я твёрдо решил: с Севкой возиться ни за что больше не буду. Но так, наверно, часто получается: сначала человек думает одно, а потом другое. Теперь, после выступления Иры, я не с Севкой, с бенгальским тигром вышел бы один на один. Но об этом вслух не скажешь и я пробормотал:

— Ладно. Раз уж взялся...

Мы шли по коридору с Ирой Зиминной. За нами Алик с Муравьёвой. Они о чём-то вполголоса разговаривали и хихикали. Несколько раз я слышал, как Алик называл наши фамилии: мою и Ирину. Но мне было всё равно. У Иры развязался ботинок. Она хотела положить портфель на пол. Я сказал:

— Зачем? Давай подержу!

Я стоял с двумя портфелями под мышкой, когда мимо прошли Алик и Муравьёва. Они прямо-таки давились от смеха.

За ужином папа сказал:

— Давно собираюсь спросить: как успехи твоего подопечного? Мымриков, кажется, его фамилия?

Я застыл с вилок в руках. Посмотрел на папу, он преспокойно разрезал кусок мяса.

— Мымриков, — сказал я. — А успехи — не очень...

— Что так?

Я пожал плечами.

— Он, если я не ошибаюсь, капитан вашей хоккейной команды?

— Да, — сказал я.

— А как относятся к его школьным делам товарищи по команде?

Я опять пожал плечами:

— Никак не относятся...

— Почему же?

— Они не из нашего класса. А двое даже из чужой школы.

— Тогда понятно. Это, конечно, уважительная причина.

Папа отодвинул тарелку и взялся за газету.

— А что, — спросил я. — Разве нет?

— Отчего же? — сказал папа. — Вполне. Если, положим, тонет мальчишка, но чужой школы, разве из-за него надо лезть в воду?

— Так Севка не тонет.

— А я разве говорю, что он тонет? И извини, пожалуйста, я хочу почитать газету.

— Значит, не мешать?

— Да, — сказал папа, — если возможно.

— Возможно, — сказал я.

Сначала папа читал газету. Потом разговаривал с мамой. Потом достал рубанок и принялся строгать какие-то палочки.

Мне очень хотелось ещё поговорить насчёт Севки. Я вертелся возле папы. В другой раз он обязательно бы спросил, что мне надо. А тут словно перестал меня замечать. Тогда я предложил:

— Можно, буду тебе помогать?

Папа поднял голову и посмотрел на меня так, будто только что увидел.

— Пожалуйста!

— А что надо делать?

— Можешь вот эти бруски отпиливать.

— Ладно, — сказал я. — Отпилю. А что ты из них сделаешь?

— Полку для цветов. Только пили аккуратнее, — предупредил папа. — Впрочем, у тебя уже есть опыт.

Это папа вспомнил про клюшку.

Я попилил немножко и сказал:

— Не так-то просто вытаскивать этих самых утопающих.

— Конечно, — согласился папа. — Но, понимаешь, всё зависит от того, кто и как вытаскивает. Главное, как говорится, гнуть свою линию. Он тебя вниз. А ты его вверх. Вверх и вперёд!

Мы бы, наверно, ещё поговорили насчёт Севки, но вошла мама и объявила:

— Котик, пора спать!

Мне очень не хотелось уходить, но папа сказал:

— Приказ командира — закон, — и добавил: — А своего подшефного ты всё-таки приводи. И не только тогда, когда никого дома нет.

— Хорошо, — пообещал я. — Обязательно приведу.

Глава двенадцатая

Утром я побежал к Феде. Было ещё очень рано. Я долго колотил руками и ногами обитую войлоком дверь, прежде чем мне открыли.

— Извините, пожалуйста, мне нужен Федя, по важному делу, — одним духом выпалил я Фединому отцу.

— Заходи, — сказал он. — Сейчас позову.

Через минуту или две выскочил Федя. Заспанный, в трусиках и майке.

— Ты чего?!

— Срочно нужно собраться! — сказал я.

— Случилось что-нибудь?

— Да, — сказал я.

— А чего?

— Потом расскажу. Можешь потерпеть?

Феде очень хотелось узнать, что за срочное дело, из-за которого я поднял его в такую рань, но он мужественно согласился.

— Могу. Могу потерпеть. Подожди здесь. Сейчас оденусь.

Когда мы с Федей спустились во двор, я сказал:

— Теперь за Эдиком.

— Сперва к Севке, — сказал Федя. — К нему ближе. А потом к Эдику.

— К Севке не надо, — сказал я.

— Как — не надо? — спросил Федя.

— Очень просто. Не надо и всё.

Федя вытаращил глаза:

— А почему?

— Потом объясню, — сказал я. — Ты же обещал потерпеть.

— Ладно... — не очень охотно согласился Федя.

Мы побежали к Эдику. От него к Серёжке Блохину. От Серёжки — к Борису. Его мать нас здорово отругала, но Бориса мы всё-таки вытащили.

Я повёл ребят за сараи на брёвна, где раньше Лёша всегда собирал команду. Их прямо-таки распирало от любопытства. Но я молча шёл впереди и они молча топали следом за мной.

— Рассаживайтесь! — сказал я, когда мы добрались до места.

Ребята послушно принялись карабкаться на брёвна. А я, засунув руки в карманы пальто, расхаживал по тропинке, проложенной вдоль сараев.

— Ну, — сказал Федя, — выкладывай!

Я остановился, поглубже вдохнул в себя воздух и спросил:

— Как, по-вашему, что надо делать, если тонет человек?

— Глупый вопрос, — сказал Федя. — Вытаскивать! Чего ж ещё?

— Правильно, — сказал я.

— А что, — спросил Серёжка, — кто-нибудь утонул?

— Ещё нет, — сказал я. — Но может!

— А-а... — запнулся Серёжка, — кто? Кто может?

— Севка, — сказал я. — Наш капитан.

Ребята, как горох, посыпались с брёвен. Федя схватил меня за грудки.

— Чего ж ты голову морочишь?! Бежать надо. А то, пока мы тут сидим, он...

— Нет, — сказал я, пытаюсь отцепить Федины руки. — Ничего за это время с ним не сделается. Он уже давно тонет. Не первый день.

Федины руки сами собой разжались.

— Как это не первый день? Я ж его вчера видел. Ты, часом, не того? — Федя постучал себя по лбу.

— Дело в том, — объяснил я, — что Севка тонет не в прямом, а в переносном смысле. И, между прочим, неизвестно, что хуже...

— Как это: тонет в переносном смысле? — спросил Серёжка.

— Очень просто, — сказал я.

И всё рассказал про Севку. Про то, как он чуть не загубил дерево дружбы. Как подло вёл себя на отрядном сборе. Я говорил, как пламенный трибун. А когда кончил, понял, что речь моя не достигла цели. Ребята смотрели кто куда, только не на меня.

— Ну, — спросил я.

— Не люблю я ввязываться в такие дела. Не нравится мне это — во! — Федя провёл ребром ладони по горлу.

— А когда из-за Севки с нами играть отказываются, это тебе нравится? — спросил я. — Тут не в одних отметках дело. Тут человек погибает!

— Ну, уж и погибает? — усомнился Федя.

— А ты как думаешь? Если он с таких лет жульничать начнёт, знаешь, что его впереди ожидает? Тюрьма!

— Эдик свистнул:

— Это ты загнул!

Но я уже чувствовал, что попал в точку.

Я нарисовал картину страшного Севкиного будущего, если мы, его товарищи, срочно не вмешаемся в его непутёвую жизнь.

— Ладно, — сказал Федя, — а что ты предлагаешь?

Я перевёл дух. Раз сказал «а», надо говорить и «б».

— Разжаловать из капитанов и отстранить от игр.

Ребята даже попятнулись. И я быстро-быстро, совсем как Томка Новожилова, заговорил:

— Временно, конечно. До тех пор пока он не подтянется немного. А главное, мы ему все поможем. Борис — по немецкому языку. Эдик — по арифметике. Серёжка — по рисованию, у него это здорово получается...

Я не знал, что сказать про Федю. Он был хорошим парнем. Но сам еле полз на тройках. И вдруг меня осенило:

— А ты, Федь, по труду.

Федя хмыкнул.

— Ничего, между прочим, смешного, — напустился я на него. — Севка в руках молотка держать не умеет, струбцинку с ножовкой путает. У него отца нет. По дому работы пропасть. А он ничего не делает. Мать гвозди заколачивает и табуретки ремонтирует. Разве дело?

— Ладно, — сказал Федя. — Только ты сам разговаривай.

— Пожалуйста, — согласился я. — А вы меня поддержите. Идёт?

Я протянул Феде руку. Федя дал мне свою. Сверху положил руку Эдик. За ним — Серёжка. За Серёжкой — Борис.

Всё получилось не так, как мы думали.

Я заготовил речь, которая, наверно, проняла бы автомат для продажи газированной воды, а не только человека, хотя бы и такого, каким был Севка. Но произнести мне её не пришлось.

Мы сидели на скамейке возле нашей площадки и ждали Севку. Настроение у всех было неважное. И мы почти не разговаривали, а так, перебрасывались пустяковыми словами.

— Приветик! — издали замахал Севка клюшкой. Приковылял по заснеженной дорожке и тут только заметил, что мы без коньков и клюшек.

— Чего это вы расселись, как именинники?

— Поговорить надо! — поднялся я.

Севка впился в меня колючими глазами и сквозь зубы процедил:

— Слушай ты, ябеда несчастная, Иуда-предатель...

У меня сами собой сжались кулаки и я двинулся на Севку:

— Я Иуда-предатель и ябеда?!

Ребята не успели оглянуться, как мы с Севкой катились по снегу и лупили друг друга по чему придётся. Нас с трудом растащили. Мы стояли друг против друга, готовые в любую минуту сцепиться, и тяжело со свистом дышали.

— Как с человеком хотел поговорить... — сказал я.

— Нет, — сказал Севка, — с тобой я говорить не буду!

— А со мной будешь? — спросил Федя.

— С тобой, — Севка принялся рукавицей стряхивать снег, — с тобой буду...

— В общем, — запинаясь, начал Федя, — мы тут... это самое... решили тебе помочь...

— Это в каком смысле? — спросил Севка.

— Ну... это самое... Федя спотыкался на каждом слове. — Насчёт отметок... И вообще...

Севка выпрямился и обнял Федю за плечи:

— Слышь, Федя! Ну, этот, — Севка сплюнул мне под ноги, — понятно, маменькин сыночек, отличник, подлиза и всё такое прочее. Он из-за отметки удавиться готов. Мы ведь с тобой не такие, а?

Я стиснул зубы. «Федю на свою сторону хочет перетянуть!»

Федя снял со своих плеч Севкину руку и примирительно сказал:

— Насчёт Кости ты зря. Он парень хороший. А вот про тебя знаешь, что говорят? Я тут с одними ребятами насчёт хоккейной встречи начал договариваться. А они смеются: «Нет уж, спасибо, у вас капитан жулик! С ним же играть невозможно». Думаешь, приятно слушать?

Севка сосредоточенно ковырял носком конька снег.

— Самая пора поддержать Федю! — думал я. — Но ведь если я открою рот, Севка опять взбеленится!

— А меня, — сказал Эдик, — мать целыми днями пилит: «Опять с этим лоботрясом Севкой бегаешь? Неужели других приятелей нельзя найти?!» Тоже, между прочим, не очень большое удовольствие слушать!

— Ты же капитан, — сказал Федя. — Понял? — Ка-пи-тан! Лицо команды. А ты...

Мне казалось ещё совсем немножко, Севка улыбнётся и скажет: «Сдаюсь, ребята, ваша взяла!» — или что-нибудь в этом роде. И всем сразу делается хорошо и весело.

Но Севка хмуро оглядел нас и сказал:

— Сильно грамотными стали! Поиграйте без меня! Посмотрим, что получится. А потом, когда за мной прибежите, кое-кому, — Севка стрельнул глазами в мою сторону, — придётся поискать другую команду. Ясно? А пока — приветик!

Севка, помахивая клюшкой, заковылял к дому.

— Пошли за сараи, — предложил Федя. — Надо потолковать. И временного капитана выбрать.

— Чего проще, — сказал Серёжка, когда мы расселись на брёвнах. — Наломаем спичек, как тогда с лопатами...

— Сравнил тоже. Капитана с лопатами!

— Ну, тогда тебя.

Федя покачал головой:

— Не выйдет. Я с отметками от Севки не больно далеко ушёл.

Серёжка выкатил глаза и даже спрыгнул с брёвен:

— Да ты что к этим отметкам привязался?! Велика важность!

— Велика! — сказал Федя. — Больше, чем ты думаешь. Я сегодня утром ездил на стадион. Хотел, чтобы приняли в настоящую команду. С тренером. А там первым делом, знаешь, что спросили? Дневник. Понял? Я предлагаю в капитаны Костю.

— Ну, уж нет, — я тоже спрыгнул с брёвен. — Мне капитаном никак нельзя. Мне Севку надо вытягивать, а если он узнает, что я капитаном стал, знаешь, что с ним сделается?

— Ничего особенного, — сказал Федя. — Может, только чуток поумнеет. А то подумаешь — незаменимый игрок нашёлся! А ты — парень с головой, раз. Дисциплинированный, два. На поле орать не будешь, три...

Федя ещё долго перечислял всякие мои достоинства. Федино предложение было для меня, как снег на голову. Я никогда не думал, что меня могут выбрать капитаном. Хотя бы временным. Но я бы попробовал. Меня смущал Севка...

Эдик поскрёб затылок:

— По-моему, Федя прав. Как считаешь, Борис?

— А я что?! — буркнул Борис. — Я — «за»!

— Тогда и я — «за»! — Серёжка протянул мне руку. — Держи пять.

Я спрятал руки за спину.

— Погодите, ребята...

— Чего ты мудришь? — засмеялся Федя. — Вот увидишь, ещё лучше получится!

— Факт! — подтвердил Эдик.

— Ладно, — сказал я. — Была не была! Только чтоб слушаться. Я орать, как Севка, не умею.

— И очень хорошо, — сказал Федя. — А насчёт дисциплинки, будь спокоен: приказ командира закон!

Мы ещё потолковали насчёт хоккея. Я предложил шестым игроком пригласить моего соседа по парте Вовку Краснопёрова, хоть он и не из нашего двора.

— Лады, — сказал Федя. — Договорились.

Глава тринадцатая

В школе меня поймал Игорь.

— Ну, как?

Мне хотелось сказать: хорошо, Севку уже академиком сделали! Но я сдержался. Всё-таки на совете отряда Игорь не очень задирает нос. Мог бы больше. Дров я наломал порядочно.

— Пока плохо, Севка ушёл из команды. И пообещал, когда вернётся, меня выгнать.

— Ты не унывай, — сказал Игорь. — В один день Мымрикова не перевоспитал бы сам Макаренко Антон Семёнович. Я тут думал, как тебе помочь. И, кажется, кое-что надумал. Сейчас что получается? Мымриков ляпнет какую-нибудь глупость — и весь

класс хохочет. А Мымриков доволен — герой! Надо, чтобы в классе никто не смеялся его дурацким шуткам. Я уже почти всех предупредил.

— Не выйдет, — сказал я. — Перед ним Томка Новожилова сидит. Ей палец покажи — полчаса заливаться будет. И другие не выдержат. Севку не знаешь?

— Печально, Горохов, что ты не веришь в товарищей, — сказал Игорь.

— Почему не верю? Верю. Только они не египетские мумии и не каменные бабы из музея, эти самые мои товарищи.

— Нет, — сказал Игорь, — ты, как всегда, недооцениваешь коллектив.

— Это ты недооцениваешь Севку, — сказал я.

— Посмотрим! — сказал Игорь.

— Посмотрим! — сказал я.

На первом уроке Севка сидел, как мышь. Тише воды, ниже травы. Первым уроком была арифметика, а у Анны Ивановны особенно не разойдётся.

Зато на ботанике Севка решил поразвлечься вовсю. Сначала он корчил рожи. Но, как видно, беседы Игоря всё-таки не пропали зря. Никто на Севку и внимания не обратил. Тогда Севка стал делать вид, что ловит муху. Это был его коронный номер. Надо прямо сказать, получалось здорово.

— 3-3-3-3-3... — потихоньку жужжал Севка и делал вид, будто это не он жужжит, а вокруг него летает муха и будто эту муху он хочет поймать. Севка косил глаза в разные стороны, физиономия при этом у него была уморительная. Иногда Севка быстрым движением хватал рукой воздух и муха его принималась жужжать печально и тонко.

Любовь Дмитриевна сперва на Севку не обращала внимания, а потом вдруг сердито стукнула ладонью по столу:

— Когда это кончится, Мымриков!

Севкина муха сразу пропала. Всё было хорошо. Но тут Вовка Краснопёров не знаю, что с ним случилось — громко, на весь класс брякнул:

— Проглотил!

Наверно, в этом ничего особенно смешного не было. Но все так долго терпели, чтобы не рассмеяться, когда Севка изображал муху, что теперь повалились от хохота. Даже Любовь Дмитриевна покачала головой и улыбнулась.

На перемене я сказал Игорю:

— Ну, кто был прав насчёт Севки?

— Это всё из-за Краснопёрова, — сказал Игорь. — Сейчас я с ним серьёзно побеседую.

Я видел, как Игорь прижал Вовку к стенке и долго что-то бубнил. А Вовка оправдывался:

— Я нечаянно! Честное пионерское, сам не знаю, как вырвалось.

И всё-таки Севке приходилось туго.

— Слушай... — подошёл он к Тольке Овчинникову.

Толька равнодушно оглядел Севку с головы до ног, зевнул и, не сказав ни единого слова, вразвалочку двинулся по коридору.

Девчонки, мимо которых прошёл Севка, отвернулись и кто-то из них сказал:

— Бывают же такие подлые люди...

На немецком Лариса Васильевна вызвала Севку читать параграф про зиму. Обычно Севке подсказывали и он с грехом пополам вытягивал на тройку. А тут в классе сделалась такая тишина, которая бывает только, когда на уроке присутствует директор.

Севка беспомощно побарахтался в незнакомых словах и замолчал.

— Плохо, Мымриков! — сказала Лариса Васильевна. — Никуда не годится! Ставлю тебе «два». До конца четверти осталось совсем немного дней. Не знаю, о чём ты думаешь...

Севка всегда умел легко переносить неприятности.

Он и сейчас, когда Лариса Васильевна отвернулась, скорчил такую смешную рожу, что оглянувшаяся Томка Новожилова не выдержала и фыркнула. Но мне показалось, что на этот раз Севке было не так-то уж весело.

Нам было тоже не очень весело, когда мы вышли первый раз на хоккейное поле без нашего капитана.

Встреча закончилась со счётом 12:3 в пользу наших противников.

Я приуныл. А Федя хлопнул меня по спине и пропел:

— Капитан, капитан, улыбнитесь!

И прибавил:

— Надо понимать, кому проиграли. Они же в розыгрыше первенства дворовых команд участвуют. погоди, будет и на нашей улице праздник!

Скоро наши дела, и правда, пошли на лад. Я даже удивился. Мы вдруг стали выигрывать у таких команд, у которых с роду не выигрывали.

— Во, что значит настоящий капитан! — говорил Федя.

А я не делал ничего особенного. Просто старался быть справедливым. Не орал на ребят и не строил из себя самого лучшего игрока и самого главного командира..

Начались зимние каникулы и Севку я почти не видел. Он болтался где-то по соседним дворам.

В последний день занятий Игорь отозвал меня в сторону и сказал:

— Попробуй во время каникул установить контакт с Мымриковым. Если не получится, не волнуйся, пожалуйста, и не дёргайся. Начнётся третья четверть, возьмёмся за него общими силами.

— Ладно, — сказал я. — Только заранее ничего не обещаю. Ты Севку знаешь.

Как-то договариваться к нам насчёт встречи пришёл Витька Лузгин, капитан той самой команды, с которой я играл первый раз. Он загадочно посмеивался и делал какие-то туманные намёки. На прощание Витька бросил:

— Мы вам сюрпризик приготовили — закачаются!

— Чего это он? — забеспокоился Серёжка, когда Витька ушёл.

— Психическая атака, — сказал Федя. — Страху нагоняет! А вот они, когда увидят нас в форме, локотки покусуют.

Мы давно собирались ввести у себя форму, как в настоящей команде. И теперь она у нас была: синий свитер с нашитой широкой белой полосой поперёк груди и синяя в белую полоску вязаная шапочка. Свитеры были не совсем одинакового цвета. А у Серёжки вообще скорее зелёный, чем синий. Серёжка сам красил, за что был выдран матерью. Зато шапочки были, как на подбор. Мы их купили в одном магазине.

На встречу с Витькиной командой мы первый раз надели форму. Результат получился потрясающий. Едва мы появились на льду, набежали зрители и, хотя мы ещё играть не начали, стали хлопать в ладоши.

Мы лениво купались в лучах славы, когда ко мне подъехал Эдик.

— Идут!

— Вижу, — сказал я.

— Гляди на второго после Витьки.

Я всмотрелся. Через игрока от Витьки шёл Севка.

— Ловко! — круто затормозил возле нас Федя. — Что делать будем?

Витька и его команда были страшно довольны произведённым впечатлением.

— Начнём, — сказал Витька.

Я выехал вперёд и поднял руку:

— Стоп!

— В чём дело? — спросил Витька.

— А где же ваш шестой игрок? — спросил я.

— Товарищ Горохов, — сказал Витька, — каникулы только начались, а вы уже разучились считать до шести? Вот шесть игроков нашей команды.

Сосчитайте по пальчикам.

— Извиняюсь, — сказал я. — Тут какая-то ошибка. Я лично вижу пять игроков вашей команды.

— А этот? — Витька показал на Севку.

— А этот, — сказал я, — капитан нашей команды.

— Ха! Ха! — гоготнул Витька. — Был ваш, да весь вышел. Теперь наш.

— Извиняюсь! — опять сказал я. — Снова ошибка. Он и сейчас наш. Кто не верит, может убедиться — у него на груди наш капитанский значок. Правильно говорю, ребята? — обратился я к своей команде.

— Правильно! — рявкнули они в один голос.

Витькина команда и он сам уставились на крохотные коньки и клюшку, светившиеся на Севкиной груди.

— Если, конечно, он сам откажется и отдаст капитанский значок, тогда другое дело...

— Факт, откажется! — сказал Витька.

Но Севка стоял и, задрвав голову, сосредоточенно изучал телевизионные антенны на крыше нашего дома.

Витька забеспокоился.

— Ха-ха, — гоготнул он не очень уверенно. — Прохлопали вы своего капитана! Тю-тю! Он сам пришёл. Сам сказал, что за нас играть будет!

— Чудаки вы, — сказал я. — Он же пошутил. Он вообще любит шутки. Верно я говорю, ребята? — снова спросил я у команды.

— Верно! — дружно гаркнули они.

Ребята стояли полукругом. В одинаковых шапочках. С одинаковыми белыми полосами поперёк груди. И почти в одинаковых свитерах. Даже Серёжкин свитер был сегодня больше синим, чем зелёным.

— Ты погляди, — сказал я Витьке. — Разве такую команду можно бросить? И на своих посмотри.

Витькины игроки, одетые кто во что горазд, сбились в кучу и, раскрыв рты, ждали, чем кончится наш поединок.

И тут Витька, как говорится, потерял лицо. Он замахал клюшкой и с пеной у рта принялся доказывать свою правоту. Он кричал долго. Пока не подъехал Эдик и не сказал:

— Зря стараешься, капитан!

— То есть, как это зря?! — взвился Витька.

— Очень просто, — Эдик кивнул туда, где только что стоял Севка.

Севки не было.

Витька покрутил головой, плюнул с досады и сказал своим игрокам:

— Пошли, ребята!

— Зачем? — спросил я. — Сыграть-то мы всё равно можем, пять на пять.

Витька замаялся, но на него насели его собственные игроки и он согласился.

— Федя и Эдик в нападении, Борис и Вовка — в защите. Блохин отдыхает.

Серёжка поморщился и ушёл с поля к зрителям. Игра началась.

Глава четырнадцатая

Я волновался, ожидая встречи с Витькиной командой. Перед моими глазами, точно это было вчера, стояла та первая, памятная игра.

Очень скоро стало ясно, что волноваться было нечего. Наши нападающие и защитники легко переигрывали Витькиных хоккеистов. Первый гол забил Федя. Второй — Эдик. Потом Федя забил подряд два гола.

Мне нечего было делать. Борис и Вовка близко не подпускали шайбу к нашим воротам. Когда счёт стал 11:0 в нашу пользу, я сказал Вовке:

— Валяй в нападение, а то из меня сосулька скоро получится!

Шайбы в ворота Витькиной команды посыпались, как горох. Зато нападающие противника, нет-нет, да и прорывались к нашим воротам.

Встреча закончилась со счётом 21:2. Я пропустил всего две шайбы.

Витька со своей командой ушёл. Мы собрались в кучу и обсуждали, кто как играл, когда я заметил среди мальчишек и девчонок, окружавших площадку, двух взрослых зрителей. Один был крупный дядя в шубе и большущей меховой шапке. А другой... У меня бешено застучало сердце. Высокий, стройный, с седеющими висками и весёлыми насмешливыми глазами, одетый в спортивного покроя пальто с накладными карманами. Коротко стриженные волосы на непокрытой голове серебрились, словно подёрнутые инеем. Это было чудо. Передо мной стоял человек из моей мечты. Он разве самую малость отличался от того, каким я представлял себе тренера сборной страны по хоккею. Я соображал, как бы завести разговор, когда он сам, усмехнувшись, сказал:

— Прямо герои!

— А что? — спросил Вовка. — Скажете, плохо играли?

— Играли неплохо. Только противников надо выбирать равных.

— Между прочим, — вмешался Серёжка, — эти самые противники нас два месяца назад разделили под орех.

— Ах так, — сказал человек, — тогда другое дело.

— А вы кто будете? — осторожно спросил Федя.

У меня захватило дух. Сейчас человек выйдет на поле, возьмёт в руки клюшку и покажет, кто он такой! Но человек не двинулся с места. Он стоял, слегка расставив ноги, засунув руки в карманы пальто.

— Я-то? — человек промолчал. — Я инженер. Дома строю.

— Понятно, — сказал Федя.

Я выдохнул воздух, как по команде «глубокий выдох» на физкультуре.

— А вы, извиняюсь, в хоккей когда-нибудь играли? — спросил Серёжка и в голосе его послышалось ехидство.

Человек опять немного помолчал. Видно, у него такая была привычка и, не отвечая на Серёжкин вопрос, спросил:

— А ты и на поле такой же прыткий?

— Ещё прытче! — похвалился Серёжка.

— Я так сразу и догадался, — сказал человек. — Тебя, видно, капитан держит на скамейке в качестве самого главного резерва. Вдруг команда начнёт проигрывать. Тогда уж он тебя выпускает, верно?

— Послушайте, дяденька! — обиделся Серёжка. — Шли бы вы своей дорогой, а?!

Инженер посмотрел на Серёжку и сказал задумчиво:

— Уши тебе, что ли, надрать?

— Не имеете права, — попятился Серёжка. — Меня даже отец пальцем не трогает.

— А, пожалуй, напрасно...

Я почувствовал, сейчас Серёжка опять ляпнет что-нибудь неподходящее и сказал:

— Я подумал, вы хоккейный тренер...

— Почему же? — удивился инженер.

— Сам не знаю, — сказал я.

— А вы без тренера играете? — спросил инженер.

— Без тренера, — сказал я. — Откуда его взять, тренера?

Инженер помолчал, подумал и сказал:

— Есть у меня один знакомый тренер...

— Настоящий? — спросил я.

— Вполне. Даже слишком настоящий.

— Как это? — не понял я.

— Ты за какую команду, кстати, болеешь? — спросил инженер.

— Мы все болеем за одну. И в футболе, и в хоккее.

Я назвал нашу любимую команду.

— Смотри-ка, — засмеялся инженер. — В самую точку. Слышь, Юра? — обратился он к дяде в шубе и мохнатой шапке.

Тот ничего не ответил, только поджал губы.

— Так вот, — продолжал инженер, — мой знакомый как раз тренирует молодёжный состав этой команды.

— Правда?! — спросил я.

— Правда, — сказал инженер и, помолчав, добавил: — Я бы мог попытаться замолвить за вас словечко. Только он ведь с чего начнёт: какие отметки, дисциплина и всё такое прочее. Скучный человек.

— Почему скучный? — заступился я. — Так и надо. Мы сами знаем. И стараемся. А если он с нами будет заниматься...

— Что ты по этому поводу думаешь, Юрий Иванович? — опять спросил инженер у дяди в мохнатой шапке.

Тот опять поджал губы и, как мне показалось, вздохнул. Потом протянул руку Феде и хрипловатым баском сказал:

— Дай-ка клюшку!

Федя пожал плечами и отдал клюшку.

— Становись в ворота!

Это уж мне. Я пожал плечами: что этому дяде ещё надо? — и пошёл к воротам. Не снимая шубы и шапки, стараясь не зачерпнуть снега в жёлтые остроносые полуботинки, Юрий Иванович вышел на лёд.

— Держи!

Я не успел глазом моргнуть, шайба трепыхнулась в сетке.

— Что ж ты? — спросил Юрий Иванович.

— Не успел, — сказал я. И выкинул шайбу.

— Держи!

Шайба тонко свистнула. Я шлёпнулся на лёд. Посмотрел под руками — пусто. И выкинул шайбу из сетки.

— Быстрее двигаться, милый, нужно, — сказал Юрий Иванович. — Спать дома будешь.

Я разозлился и подумал: умру, а возьму следующую!

Снова удар и снова шайба в сетке.

— Ниже клюшку держи, — сказал Юрий Иванович.

И я ещё раз вынул шайбу из сетки. Пятую шайбу я отбил. А потом пропустил подряд шесть штук. Я плюхался, как подкошенный. Лез из кожи, чтобы только перехватить чёрный резиновый кружок, но он, словно заколдованный, проскальзывал мимо моих рук.

— Хватит, — сказал Юрий Иванович.

— Ну, Юра, — спросил инженер, — твоё мнение?

Юрий Иванович молча поджал губы.

— По-моему, неплохие ребята! — сказал инженер.

— Все они хорошие, когда спят. А спать на хоккейном поле не положено.

И тот, кого инженер называл Юрой, посмотрел на меня. А я уставился на его жёлтые остроносые полуботинки.

— Помню, — сказал инженер, — я вот так же одного мальчишку в бо-ольшого хоккеиста вывел...

Юрий Иванович первый раз улыбнулся:

— Фёдор Матвеевич! Так ведь времени нет...

— Полчаса два-три раза в неделю, а? Для начала. Живёшь близко.

Юрий Иванович опять поджал губы и молчал долго-долго.

Мы уже начали догадываться, что, видно, Юрий Иванович и есть тот самый тренер молодёжной сборной, про которого говорил весёлый и настойчивый инженер. Затаив дыхание, мы ждали решения нашей судьбы.

— Добро, — сказал наконец Юрий Иванович. — Завтра в одиннадцать по этому адресу.

Юрий Иванович написал в блокноте несколько слов и протянул мне вырванный листок.

— С собой взять трусы, майку, тапочки и... — Юрий Иванович сделал многозначительную паузу, — дневники с отметками...

Заметив, как Федя и Серёжка поскущели, добавил:

— Приходите все, там разберёмся.

Глава пятнадцатая

Утром я выскочил на улицу и зажмурился.

Ночью во дворе побывал волшебник. Он одел землю в новенькую белую шубу. Покрыв толстым пушистым одеялом дома и сараи. На столбы нахлобучил белые шапки. Разукрасил снегом деревья, провода и даже телевизионные антенны. А чтобы люди, проснувшись, могли как следует налюбоваться его работой, разогнал облака, закрывавшие солнце. И теперь всё светилось и сверкало так, словно с неба упала радуга и разбилась на мелкие-мелкие осколочки, усыпав всё вокруг холодными разноцветными искрами.

Мне было жалко — трогать такую красоту. Но наступила моя очередь дежурить по катку и я побежал к дворничихе тёте Насте за большой лопатой.

Я разгребал снег и распевал не очень громко папину любимую песню:

Там, где пехота не пройдёт, Где бронепоезд не промчится, Тяжёлый танк не проползёт — Там пролетит стальная птица.

Особенно мне нравился припев:

Пропеллер, громче песню пой, Неся распластанные крылья. За вечный мир, в последний бой Летит стальная эскадрилья!

Из снега, который мы сгребали со льда, вокруг катка получилась высоченная насыпь. И как мы ни старались кидать снег подальше, насыпь потихоньку надвигалась на хоккейную площадку. Я подумал: хорошо бы эту насыпь потеснить. И принялся за дело. Лопата работала, как ковш экскаватора. Только снежная пыль летела. Иногда на лопату попадались посторонние предметы, то обломок клюшки, то сломанный детский совочек. Вдруг в снегу мелькнуло что-то чёрное. Я нагнулся и увидел галошу. Я её сразу узнал. Это была Севкина галоша. Севка потерял её, когда мы ещё только строили каток. Сколько мы тогда ни искали, так и не нашли. Севке была здоровая трёпка от матери. Теперь я держал в руках эту самую галошу.

«Вот случай установить с Севкой контакт, — подумал я. — Лучше не придумаешь».

Мне не очень-то хотелось видеть Севку. А если сказать по правде, не хотелось совсем. Но я понимал: когда-то надо делать первый шаг. Тот, который, как любят говорить взрослые, — самый трудный.

В Севкиной квартире, должно быть, жили весело.

На двери пять почтовых ящиков и штук десять кнопок с электрическим звонком. Под каждой кнопкой — бумажка с надписью, к кому сколько раз звонить. Я нашёл бумажку с Севкиной фамилией и нажал кнопку.

Дверь открыл сам Севка.

Я боялся, что, увидев меня, Севка попросту захлопнет дверь и тогда — пиши пропало. Но я зря беспокоился. Севка и не думал закрывать дверь. Мне показалось, он даже обрадовался моему приходу.

— Здравствуй! — сказал я.

— Привет! — ответил Севка.

Мы стояли друг против друга и не знали, что делать дальше. Потом я вспомнил.

— Вот! — и протянул галошу. — Разгребал снег, смотрю, что-то чёрное выглядывает.

— Моя! — засмеялся Севка. — Факт! Только мне мамка другие купила.

— Будет две пары, — сказал я.

— Не будет, — сказал Севка. — Вторую галошу я выкинул. Зачем, думаю, она, если первая потерялась?!

— А куда выкинул?

— Во двор.

— Тогда не беда. Стает снег и найдётся та галоша. Так что — держи!

Севка взял галошу.

— Долго будете в дверях торчать?! — закричал сердитый женский голос откуда-то из коридора. — Или сюда идите, или туда. Не лето на дворе!

Я попросил:

— У тебя напиться можно?

— Заходи, — сказал Севка. — Вот наша дверь. Первая направо. Только вытри ноги. Натопчешь, мне влетит.

Я старательно вытер ноги об половичок и толкнул дверь.

Комната у Севки с матерью была небольшая. И никаких сервантов и торшеров, как у нас. Посередине стол, накрытый старенькой скатертью. Большая никелированная кровать с облупленными шишками. Клеёнчатый продавленный диван. Шкаф с зеркалом. Где только можно, салфетки и салфеточки. И везде очень чисто.

— Пей! — Севка принёс стакан воды.

Я пил долго, маленькими глотками. А когда выпил, отдал Севке стакан.

— Спасибо.

— Может, ещё хочешь? — спросил Севка.

— Нет, — сказал я. — Больше не хочется.

И мы опять стояли друг против друга и опять не знали, что делать. Тогда я сказал:

— А с нами теперь будет заниматься тренер.

У Севки загорелись глаза:

— Настоящий?

— Ага!

И я рассказал про инженера с седыми висками, которого я сначала принял за тренера. Про самого тренера и про то, что сегодня мы должны к нему идти всей командой. Я рассказывал и думал: пригласить Севку или нет? Мне, понятно, очень хотелось пригласить его. Но я боялся — только заведу разговор, как пойдёт старая картина: Севка надуется, начнёт фыркать и опять всё полетит кувырком. И всё-таки я решил попробовать.

— Так что в половине одиннадцатого приходи. Вместе поедем. Возьми майку, трусы и тапочки.

Севка долго молчал, сопел, рассматривал пол у себя под ногами и потом тихо выговорил:

— Ладно. Приду.

— И не забудь дневник захватить.

Севкины глаза сразу сделались колючими и злыми.

— Это ещё зачем?

— Юрий Иванович, тренер, велел! — поспешно объяснил я. — Не веришь? Честное пионерское!

Севка опустил голову.

— Если дневники потребовались, мне там делать нечего...

— Что ты?! — быстро сказал я. — Ничего подобного. Подтянуться, конечно, придётся. Так ведь сейчас каникулы. Времени — хоть отбавляй. У Феди с Серёжкой тоже отметки не очень-то...

— А ты мои видел? Нет? То-то! А насчёт подтянуться... — Севка опять уставился себе под ноги. — Не выйдет насчёт подтянуться...

— Почему, чудак-человек?! — закричал я.

— Отстал сильно...

— Слушай, — я старался говорить бодро и уверенно, — неужели никогда не видел? Бегут спортсмены на большую дистанцию. На пять тысяч метров. Или на десять. Всё впереди. А один сзади. На него никто уж и внимания не обращает. А он поднажал у финиша и, глядишь, первым пришёл. Ну, не первым, так вторым или третьим.

— Неудачный пример, — сказал Севка. — Тот нарочно у него тактика такая, силы бережёт. А я похож на другого бегуна. Все вышли на последнюю прямую перед финишем. А он на середине дистанции. Вот тут попробуй, догони!

— Преувеличиваешь! — сказал я. — Честное слово, преувеличиваешь! Я тебя за две недели по всем предметам вытщу. А с тренером всегда можно договориться. Он поймёт.

— Нет, — упрямо помотал головой. Севка. — Не пойду.

— Хочешь, — сказал я, — устрою, тебе экзамен. И сам увидишь, что не так-то здорово ты отстал. Ну, хочешь?

Севка молчал.

— Скажи мне, например... — засунув руки в карманы, я принялся вышагивать по комнате. — Можно, между прочим, снять пальто? Жарко очень!

— Снимай, — сказал Севка.

Я разделся и повесил пальто и шапку на вешалку рядом с дверью.

— Так вот, расскажи, например, про воздух и его состав.

Я старался задать вопрос полегче, на который бы Севка мог ответить.

Севка покрутил головой, точно хотел разглядеть, чего в этом самом воздухе содержится, и пожал плечами:

— А я почём знаю?

— Знаешь! — сказал я. — Просто ты забыл. Ну, вспомни, какой составной частью воздуха мы дышим?

Севка молчал.

— Ну, ещё тяжёлым больным в подушках дают...

— Этот самый... как его... кислород? — не очень уверенно сказал Севка.

— Конечно! — обрадовался я. — А ты ещё говорил, не знаешь! Ну, а ещё?

Но дальше дело не пошло. Про азот и углекислый газ Севка словно и не слышал. А мы это совсем недавно проходили по ботанике.

Я погонял Севку по другим предметам. И у меня волосы встали дыбом. Я бы никогда не подумал, что человек может так отстать от всего класса.

— Ну, — сказал Севка, — убедился?

Теперь пришла моя очередь рассматривать пол под ногами. Можно было, конечно, успокоить Севку. Сказать, ничего мол, особенного, плёвое дело, догнать класс. Но я не хотел больше врать. Не хотел делать никаких обходных манёвров. Я ими был сыт по горло.

— В общем, отстал ты здорово, — сказал я. — Но догнать, конечно, можно. В каникулы, если часа по два каждый день заниматься, уже здорово подтянешься. Хочешь, вдвоём будем, хочешь, Борис и Эдик помогут.

— Лучше уж, — пробормотал Севка, — вдвоём...

Это была победа. Но по радио не пели фанфары и не гремели парадные марши. И даже я сам не пустился в пляс, и не завопил от радости. Я понимал: мне придётся ещё не раз хлебнуть лиха...

Я глянул на часы и охнул: половина одиннадцатого!

— Опоздаем, надо бежать!

— Погоди, а ребята знают, что... — Севка замялся, — что я... что я тоже с вами еду?

— Нет, — сказал я и весело добавил: — Не знают, так узнают!

— Только пойдём вместе, — попросил Севка. — Ладно?

Я согласился.

Севка быстро собрался и мы спустились во двор. Все были уже в сборе.

Увидев рядом со мной Севку, ребята сперва пораскрыли рты, а на Серёжкином лице появилась ехидная улыбка. Я погрозил ему из-за Севкиной спины кулаком. И всё сошло гладко.

Я — одна нога здесь, другая там — сбегал домой и, вернувшись, скомандовал:

— Пошли!

— Минутку! — остановил нас Федя. — Надо сразу покончить с одним делом.

Федя подошёл к Севке и сказал:

— Ты не обижайся... Только, сам понимаешь...

Севка ничего не понял. И я тоже. И остальные.

— Значок, — сказал Федя. — Капитанский значок отдай Косте.

Севка побелел. «Сейчас все мои старания пойдут прахом», — подумал я и закричал:

— Не надо!!!

— Надо, — сказал Федя. — И он сам знает, не глупый же?

Севка закусил губу и начал краснеть. Он краснел всё сильнее и сильнее и я начал беспокоиться, что его сейчас хватит кондрашка. Но понемногу Севкино лицо стало светлеть и сделалось наконец нормального цвета.

— Ладно, — сказал Севка и полез рукой за пазуху.

Отстегнул там значок и протянул мне.

— Бери! — сказал Федя.

Значок был гладкий и тёплый. Я хотел побыстрее сунуть его в карман.

— Нацепляй! — сказал Федя.

Я приколот значок. На груди моей засветились серебряные коньки и клюшка.

— Теперь пошли? — спросил я.

— Теперь пошли! — сказал Федя.

Мы двинулись к троллейбусной остановке.

Серёжка всё-таки не вытерпел. И громко, так, чтобы слышал Севка, сказал:

— Как услышал про тренера, сразу прибежал!

Федя легонько стукнул Серёжку по затылку. А я подумал: ничегошеньки-то Серёжка не понял. Разве из-за тренера вернулся к нам Севка.

— Славный денёк! — сказал я.

— Ага! — ответил Севка.

Он шагал рядом со мной и лицо у него было такое, как у человека, который принял очень важное и очень трудное решение.

Оглавление

- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвёртая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая

- Глава пятнадцатая X Имя пользователя * Пароль * Запомнить меня
- Регистрация
- Забыли пароль?